

ВАЛЕРИЙ | УРОВ

ФИЗРУК 2

НА СВОЕЙ ВОЛНЕ

18+

Валерий Гуров
Физрук. На своей волне 2

«Автор»

2026

Гуров В.

Физрук. На своей волне 2 / В. Гуров — «Автор», 2026

Матёрый, но правильный авторитет из девяностых погибает. Его сознание переносится в наше время, в тело обычного школьного физрука. Завуч трясет отчётность, родители собачатся в чатах, а «дети» залипают в телефонах и качают права. Но он не привык прогибаться. Только вместо пистолета у него свисток, а вместо верных братков — старшеклассники-недотёпы, которые и отжаться толком не умеют. А еще впереди — областная олимпиада, и если школа ее не выигрывает, то ее грозятся закрыть. Второй том.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Гуров

Физрук. На своей волне 2

Глава 1

Тишина повисла моментально.

Вернее, из динамика гремел Кай Метов.

— Позитив намбер ван, говоришь не дам.

Марина замерла чуть позади, глядя на меня с облегчением и тревогой одновременно. А пацаны, те самые, что секунду назад были готовы свалить, застыли, как вкопанные. Они стояли, не зная, что сказать. Один засунул руки в карманы, другой уставился в землю, третий только виновато пожал плечами.

— Ну? — я положил одну руку на дверь, второй приспустил очки на переносицу. — Я спрашиваю: куда собрались?

Все взгляды мгновенно прилипли ко мне. Школьный двор, ещё секунду назад полный гомона, стих, будто кто-то выдернул шнур из розетки у магнитофона. Школота явно не ожидали увидеть своего физрука за рулём чёрного внедорожника с тонировкой в ноль.

Троица тех, что минуту назад собиралась свалить, всё ещё стояла на месте, растерявшись. Один из них попытался вяло улыбнуться, но улыбка вышла так себе, как у человека, которого застукали на месте преступления.

— Владимир Петрович, — первым выдал этот паренек. — Да мы это... просто прикалывались! Никуда уходить мы не собирались!

Второй поддакнул мгновенно:

— Да, мы тут... просто глянуть хотели, кто подъехал и вернулись бы сразу.

— Ага, — добавил третий, шмыгнув носом.

Я вышел, закрыл за собой дверь и нажал на сигнализацию — «бип-бип», и фары мигнули, словно подмигнули всей этой растерянной пастве. Следом медленно оглядел всех взглядом, от которого в девяностых люди переставали жевать даже семечки.

Марина где-то сбоку поджала губы, но в ее глазах виделось облегчение.

— РАВНЯЙСЬ!

Мой голос разнёсся по двору. Я специально выбрал тембр, от которого у пацанов в своё время колени становились ватными.

Парни и девочки дёрнулись, переглянулись — и мигом выстроились, встав по струнке. Даже самые «борзые» не посмели хмыкнуть.

Через пару секунд передо мной стоял кривоватый, но вполне узнаваемый строй.

Я медленно прошёлся вдоль ряда, не торопясь, с руками за спиной. Во взглядах учеников читалось одновременно удивление, уважение и даже чуть-чуть страха. А ещё во взглядах учеников я увидел полнейший когнитивный диссонанс. Для них я был обычным школьным учителем, над которым посмеивались не только за спиной.

А тут совсем другой расклад. Чёрный внедорожник, тонировка в ноль, старая музыка из магнитолы с «душком» улицы. Картина явно не вязалась с образом «школьного учителя».

Тишина стояла такая, что слышно было, как где-то воробей захлопал крыльями, срываясь с проводов. Марина сзади чуть не рассмеялась от удивления, но сдержалась.

— Так, молодёжь, слушаем внимательно, — начал я. — Во-первых, хочу сказать спасибо, что вы всё-таки пришли. Я, честно говоря, как и вы, не горю желанием вот этим всем заниматься. Но надо. Слово дали, значит делаем.

Послышался смешок, кто-то хихикнул, но быстро затих, стоило мне повернуть голову.

— Поэтому, — продолжил я. — Организуем всё по-человечески. Чтобы и пикничок был, и музыка качала, и время пролетело незаметно.

Я хлопнул в ладони, продолжая скользить взглядом вдоль строя:

— Так, вопрос первый — кто в курсе, как заказать доставку? Делаем шаг вперёд, не стесняемся.

Из строя шагнул Кирилл, который вместе с Кастетом и Геной пришёл-таки на субботник.

— Я в курсе, Владимир Петрович, — сказал он. — Могу помочь.

— Вот и отлично, — кивнул я. — Так... нас сколько получается? Человек шестнадцать?

Посчитали быстро: действительно, шестнадцать школьников плюс я и Марина, их класса.

— Шестнадцать, — подтвердил Кирилл.

— Хорошо, — я почесал подбородок. — Что тут можно по-быстрому заказать? Шашлычок? Овощи на мангале?

— Может, роллы? — с надеждой спросила девчонка с розовыми волосами.

Я повернулся, чуть приподняв бровь.

— Роллы? А из чего? — спросил я.

По-хорошему надо было спрашивать «это вообще что такое», но я решил схитрить.

— Ну, «Калифорнию» с лососем, с угрём, — пожала плечами розовая.

Яснее после ответа не стало. Какая на хрен калифорния с угрём...

— Ваша, типа, «японская еда», — другая девчонка подняла руки и дважды изобразила кавычки пальцами. — Уже осточертела. Лучше пиццу!

Так... стало чуточку яснее. Как по мне, без костра и шампуров отдых не отдых, но каждому своё. Молодняк, что с них взять.

— Ладно, — я достал деньги, отсчитал и протянул Кириллу. — Держи десятку. А там дальше сам решай, чего брать — только с остальными советуйся, ясно?

Кирилл взял деньги аккуратно, с уважением, будто ему доверили что-то серьёзное.

— И ещё, — добавил я, поворачиваясь к Марине. — У классной спроси, чего она хочет. Ей заказывай отдельно.

Я подмигнул Марине, та смутилась, но в уголках губ мелькнула улыбка. Ребята это заметили, и послышался шёпот:

— Наш физрук норм тип...

Я сделал вид, что не услышал, но внутри поставил галочку. Контакт с молодыми был установлен.

— А по музыке что-нибудь принесли? — спросил я, обведя взглядом ребят.

Тишина повисла на секунду, потом худощавый в толстовке и с наушниками на шее оживился:

— Да, принесли! — сказал он и вытащил из рюкзака странную круглую штуковину, похожую на пепельницу с подсветкой. — Вот, умная колонка. Алиса.

Он щёлкнул по кнопке, и лампочка моргнула, но звука не было. Парень постучал по корпусу, вздохнул.

— Только вот не ловит, интернет здесь барахлит... без вайфая она тупит.

Я не удержался от подкола.

— Интернет барахлит... — повторил я с усмешкой. — А вы без него хоть что-то умеете делать, а? Ладно, — я махнул рукой. — Не страшно. Музыка у меня есть. Хоть нормальную послушаете. Не то, что ваши вот эти все, — я сделал паузу, подбирая слово. — Певцы, которые будто картошкой подавились.

Школота расхохоталась, Марина тоже едва сдержала улыбку.

Я достал из кармана ключи от «Чероки», покрутил на пальце и протянул Генке. Он был из тех, кто в торговом центре не струсил, когда началась та кутерьма, а встал рядом. Таких я запоминаю.

— На, — сказал я. — Сходи к машине. Музыку включишь. Думаю, разберёшься.

Генка, конечно, удивился.

— Вы... вы серьёзно, Владимир Петрович? Можно в тачку сесть?

— А что, я похож на шутника? — усмехнулся я и показал на брелок. — Вот эта кнопка — открыть, вот эта — закрыть. Ничего сложного. Только аккуратно, коня не царапай, а то я его люблю.

В глазах Гены мелькнула искра уважения, вперемешку с восторгом.

Когда он отошёл, остальные сразу загудели.

— Нифига себе, Владимир Петрович — тачка у вас огонь...

— Спасибо, пацаны. Аппарат действительно достойный. Не жалуюсь, — я подмигнул.

Генка тем временем нажал на брелок — фары мигнули, сигналка откликнулась коротким «бип».

— Позишн намбер ту, тебя хочу, — продолжил Кай Метов.

Школота переглянулись и невольно кивнули в такт.

Кирилл стоял чуть в стороне, склонившись над телефоном. Вокруг него сгрудились ещё двое — та самая девчонка с розовыми волосами и парень в кепке с прямым козырьком. Они тыкали пальцами по экрану, обсуждая, что взять — какие пиццу и роллы. Но потом Кирилл нахмурился.

— Владимир Петрович... — осторожно позвал он.

Я обернулся.

— Что там, Кирюха? Заказ не оформляется?

— Так-то оформляется, — замылся он. — Но оплатить не получится. Тут только по карте принимают. А у меня... — он почесал затылок. — Ну не получится.

— Почему не получится? — спросил я спокойно, хотя уже чувствовал, что сейчас услышу что-то из разряда «новой эпохи».

Кирилл тяжело выдохнул, покосился на ребят, потом, собравшись, подошёл ко мне.

— Я... деньги-то взял в микрозайм. И теперь, если я на карту положу хоть рубль, они его сразу списывают.

— А чего, должен?

— Ну типа того...

— Так тебе же перевели деньги на карту те... — я сделал паузу, подбирая слово. — Хулиганы.

— Переводили, Владимир Петрович, — подтвердил он. — Всё так. Только я их сразу кэш снял. Тогда времени не было думать. А если сейчас положу деньги обратно — они минут пятнадцать полежат, потом всё, спишут. Там у них списание каждый час идёт.

— Понял, — заверил я. — Не вопрос. Сейчас что-нибудь обязательно придумаем. Не кипишуй, Кирюха. Всегда есть обходной путь.

Я скользнул взглядом по школьникам и краем глаза заметил одного. Чистый ботаник, стоит чуть в стороне, будто случайно тут оказался.

Очки в тонкой оправе, плечи сутулые, руки в карманах, и вид такой... чужой.

Такие либо шли на вторых ролях, либо оставались в тени навсегда. Но иногда именно им полезно дать шанс почувствовать себя «своим».

— Очкарик! — позвал я.

Парень дёрнулся, будто его окатили холодной водой.

— Я? — переспросил он, удивлённо моргнув.

— А кто ж ещё, — ответил я, подзывая его рукой. — Иди сюда.

Он подошёл медленно, неуверенно, поправил очки. Видно, ждал подкола.

— Как тебя звать? — спросил я.

— Саня... — ответил он, чуть тише, чем хотелось бы. — Мылов.

— Хорошо, Саня, — кивнул я. — Карточка есть? Ну, банковская.

— Есть, — быстро ответил он.

— Отлично. Никакие там займы не брал? Деньги у тебя не увильнут, как у Кирилла?

Он замотал головой.

— Нет, я не беру.

— Тогда слушай сюда, Саня. Будет тебе служебное, партийное, как раньше говорили, задание от коллектива.

Парень сразу выпрямился, видно, не знал — смеяться или стоять по стойке «смирно».

— Слушаю, Владимир Петрович.

Я видел, как у него в глазах тревога перемешалась с неожиданным интересом.

— Значит так, Саня, берёшь сейчас у Кирилла бабки, находишь ближайший банкомат, кладёшь деньги на карту и возвращаешься. Ясна задача?

Ботаник поёрзал, посмотрел на Кирилла, потом на меня, поправил очки.

— Попробую, Владимир Петрович, — прошептал он, будто боялся, что ошибётся даже в ответе.

Я чуть хлопнул его по плечу, и пацана качнуло. Хлипкий он, конечно...

— Что ты, братец, такой неуверенный? — спросил я. — Бери себя в руки. Ни одна баба на такого не посмотрит.

Он моргнул, не понимая, к чему это.

— Почему? — выдохнул наконец.

— Потому что, Саня, — пояснил я. — Когда ты говоришь «попробую», это значит, что ты сам не уверен, получится или нет. А неуверенный — он и живёт, как будто извиняется за то, что живой.

Я чуть наклонился, чтобы он услышал каждое слово:

— Нормальные, ровные пацаны говорят «сделаю». Усек?

Ботан вздрогнул, но кивнул, опустив взгляд.

— Сделаю, Владимир Петрович, — всё ещё шёпотом, но уже тверже пообещал он.

Я снова хлопнул его по плечу, не так сильно, но так, чтобы он почувствовал силу за этим жестом.

— Вот теперь совсем другой расклад пошёл, — хмыкнул я. — Вот это уже мужской разговор.

Парень поднял глаза, в них мелькнул какой-то внутренний огонёк.

— Кирилл, — позвал я, оборачиваясь к ученику. — Бабки на базу. Нам Саня поможет.

Парень подошёл неохотно. Оглянулся на Мылова, потом на меня. В глазах мелькнуло сомнение...

— Я бы на вашем месте бабки Сане не доверял, Владимир Петрович, — шепнул он. — Он... ну, вы сами видите, какой. Странный.

Я чуть приподнял бровь. Не знал пацан, что доверие — это валюта дороже любой купюры. Я попытался объяснить философию доступно.

— Кирилл, ты знаешь, в чём разница между тем, кто надёжный, и тем, кто просто рядом стоит?

Пацан пожал плечами.

— Не совсем.

— Вот послушай. Есть старая история, которая хорошо мозги на место вставляет. Один купец имел трёх работников. Двух он знал давно — те всегда рядом крутились, улыбались, соглашались. А третий был новичок, тихий, слова лишнего не скажет.

Как-то купцу нужно было срочно доставить мешок серебра. Он посмотрел на всех троих и отдал мешок тому, кому меньше всего доверяли.

Кирилл внимательно слушал.

— Те двое смеялись, — продолжил я. — Мол, не вернётся — обчистит, убежит.

Пацан кивнул.

— А парень взял и принёс мешок обратно, не тронув ни монеты. Купец сказал тогда: «Надёжность не в том, кого ты давно знаешь, а в том, кому впервые доверил и не пожалел»... Так вот, братец, иногда надо дать шанс тому, кто его не ждёт. Тогда узнаешь, кто чего стоит.

Кирилл крепко задумался.

— Как скажете, Владимир Петрович, — ответил он и протянул деньги мне.

— Сколько у нас есть времени до того, как доставка приедет? — спросил я, глядя на Кирилла.

Он сверился с экраном.

— Думаю, час у нас точно есть, Владимир Петрович.

— Ну и отлично, тогда всё по плану, — я повернулся к Сане. — Слышал, Саня? Одна нога здесь, другая там. Через сорок минут — чтобы как штык, понял?

— Понял, Владимир Петрович, — ответил он и аккуратно взял деньги из моих рук.

Я уже собрался что-то добавить, но заметил, что пацан делает странное движение... Поворачивается боком, расстёгивает молнию на куртке, потом начинает засовывать деньги... прямо в трусы.

— Э-э, братец, а это что сейчас было?

Саня замер, покраснел, поёрзал.

— Ну... — пробормотал он. — Я просто подумал... если вдруг начнут напрягать... пацаны... чтобы деньги не забрали. Так... безопаснее.

Я пару секунд молчал, потом выдохнул и кивнул. Всё стало ясно. Не надо быть психологом, чтобы понять, что парень из тех, кого нагибают. Просто потому, что он тихий, один из тех, кто всегда лишний.

— Значит, напрягают тебя иногда, да? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Бывает, Владимир Петрович. Не сильно, просто... подкалывают.

— Подкалывают, — повторил я, глядя в сторону Кирилла, и тот сразу сделал вид, что рассматривает свой телефон.

Я перевёл взгляд обратно на Саню.

— Ладно, понял. Слушай, братец, если что — на связи, — я протянул ему ладонь и пожал руку. — Если вдруг какие хулиганы зрение начнут лишать, то знай, что я рядом.

Он поднял глаза, впервые за всё время посмотрел на меня прямо... без страха. Просто по-человечески.

— Спасибо, Владимир Петрович, — сказал он.

И пошёл в банкомат. Я посмотрел ему вслед, крепко задумавшись. Иногда человеку просто нужно, чтобы кто-то впервые поверил в него.

— Владимир Петрович, — Кирилл снова подошёл ко мне, держа телефон в руке. — А вам что заказывать? Может, тоже роллы возьмём? Будете?

— Кирюх, я, конечно, по старой теме: шашлычок, картошечка, помидоры с луком, чтоб дымком пахло. Но, — я усмехнулся. — От чего-то нового тоже не откажусь. Так что заказывай на свой вкус. Глянем, что вы тут за экзотику едите.

— Понял, Владимир Петрович. Сделаем красиво.

Тем временем возле моей машины уже собралась стайка парней. Генка с пацанами наконец разобрался с магнитолой, и народ тащился под «Божью коровку».

— Ты к нему, к нему навстречу не ходи... — доносилось из динамиков.

— У него гранитный камушек в груди! — хором подхватила школото.
Я невольно усмехнулся. «Божья коровка».

Вот уж не думал, что эти слова снова услышу из собственной машины в окружении двух десятков ребят, родившихся после того, как та песня перестала быть хитом.

— Нравится? — спросил я, проходя мимо.

— Нормально качает, — отозвался кто-то из них.

Вот и хорошо. Антураж был подготовлен — музыка, народ подтянулся, пицца в пути.

Марина стояла у входа в школу с круглыми глазами, словно она до сих пор не могла поверить в происходящее. Громкая музыка из джипа, хохочущие ученики, физрук в кожанке командует, как на плацу.

— Марина, ну чего стоишь, как памятник? Подходи. Рассказывай, что почём, какие у нас задачи на сегодня? — позвал её я.

Она только раскрыла рот, но не успела вымолвить ни слова, потому что за спиной раздался знакомый, неприятно визгливый голос:

— У нас запрещено парковаться на стоянке для сотрудников! Молодой человек, я вам говорю — переставьте, пожалуйста, машину!

Я медленно обернулся.

Навстречу шла завуч, как всегда строгая, подтянутая и с вечным с выражением лица «сейчас всех построю». Глаза её метали молнии, пока она не подошла ближе... и вдруг замерла.

Я стоял в паре метров от неё, опершись о капот джипа, в тёмной куртке, с лёгкой усмешкой на физиономии.

Она сначала глянула на машину, потом снова на меня.

— Владимир... Петрович?.. — голос её дрогнул, а лицо вытянулось.

Глава 2

— Привет, — я подмигнул завучу.

Она моргнула, будто не поверила глазам.

— Это... это ваша машина?

— А чья же ещё, — ответил я.

Марина стояла рядом, едва сдерживая смех. Завуч переводила взгляд то на меня, то на джип, потом обратно. На лице застыл полный когнитивный ступор. Видимо, в голове Мымры не укладывалось, как вчерашний историк, весь растерянный, потный... и теперь вот так.

— А теперь, если не возражаете, у нас тут молодёжь к труду приобщается, — продолжил я.

Завуч стояла, как вкопанная. Я видел, как у неё на лице сменяются выражения — недоумение, удивление, растерянность. В глазах читалось только одно: «Что, чёрт возьми, происходит?»

И в этот момент в колонках сменилась песня. Первые аккорды... до боли знакомые. Та самая мелодия, что в девяностых разрывал любой двор напополам. Завуч дёрнулась, глаза полезли на лоб. На лице застыл ужас, словно сейчас на школьном дворе под окном директора грянет «Частушки» «Сектора Газа»...

Марина тихо прикрыла рот ладонью, а ребята наоборот заржали. Я видел, как завуч уже открывает рот...

Но тут из динамиков полились первые строки песни:

— Мне надоело петь про эту границу.

Надену валенки да красное пальто...

Завуч застыла, не веря ушам. Песня-то — не про водку и мат, а про вполне себе приличную Алёну Апинову с её «милым бухгалтером».

Ошиблась.

Я выдержал паузу, смотря на неё с лёгкой усмешкой.

— Вам что, Алёна Апинова не нравится? — спросил я, подмигнув.

Завуч напыжилась, губы поджала, но сказать было нечего. Песня уже шла полным ходом, ребята подпевали, а мелодия звучала бодро и весело, без единого неприличного слова.

— Я... я думала... — начала она, краснея. — Это... другое.

— Бывает, — пожал я плечами. — Музыка-то хорошая, настроение поднимает.

Завуч шумно вдохнула, пытаясь вернуть себе серьёзность, но получалось слабо. Ситуация ускользала у неё из рук, а я видел, что внутри у Мымры кипит, но придаться-то было не к чему.

— Ну что, говорите, что делать. Коллектив на низком старте.

— Ладно, — сказала она, шумно выдыхая. — Раз уж вы такие активные, рассказываю.

Она начала загибать пальцы.

— Нужно подмести всю территорию перед входом, листву собрать, сложить в мешки. Потом убрать возле забора и... желательно покрасить ворота на футбольном поле и турники. Они, между прочим, с позапрошлого года не красились.

Я кивал, не перебивая.

— Ага. И краска где? Мешки, грабли?

Завуч вздёрнула подбородок.

— Пойдёмте, покажу.

Она повела меня к школе. Мы зашли внутрь и пошли по коридору. Каблуки щёлкали, а от неё тянуло терпким ароматом духов, перемешанных с раздражением. Мы свернули за угол и оказались у двери кабинета трудовика. Рядом была облупленная дверь какой-то подсобки.

— Вот, — сказала она, открывая. — Здесь всё, что нужно.

Внутри по углам стояли швабры, грабли, лопаты, несколько чёрных мешков для листвы, банки с краской и пара кистей.

Я осмотрелся.

— А трудовик, кстати, где? Это ведь по его части вроде?

Завуч вздохнула, сдержанно, будто я только что задал вопрос вне школьной программы.

— Трудовик у нас занятой человек. У него четверть ставки. Он только приходит иногда, когда совсем нужно, — выдала она.

— Занятой, значит...

Она скрестила руки на груди.

— Может, вместо того чтобы задавать странные вопросы, вы, Владимир Петрович, просто возьмёте и поможете? Даже, — она прищурилась. — Возьмёте на себя часть уроков по труду?

— Не возьмём, — улыбнулся я.

Секунда тишины, потом я прошёл к стене, где стояла старая тележка, взял её и начал грузить туда мешки, банки с краской, кисти, грабли. Всё делал спокойно, размеренно, как человек, привыкший разруливать дела, а не обсуждать их. Когда закончил, толкнул тележку к двери.

— Ну, вроде всё, что нужно, — сказал я.

— Всё, тогда занимайтесь, — буркнула завуч. — А я через два часа вернусь, проверю.

— Подождите, — сказал я, поворачиваясь к ней. — А помочь? Куда это вы собрались?

Мымра чуть попятилась, будто не ожидала вопроса.

— У меня... совещание в управлении. Срочное.

— Конечно, совещание, — повторил я с лёгкой иронией.

— К сожалению, помочь я ничем не могу, — произнесла Мымра, уже мягким голосом.

Она подошла чуточку ближе, запах её духов стал резче — сладкий, чуть приторный, будто сироп.

— У меня... дела, — шепнула она и, глядя прямо мне в глаза, продолжила, — но я ведь могу рассчитывать на вас, Владимир Петрович? Может быть, покатаемся как-нибудь на вашем новом джипе?

Она осторожно коснулась моей руки кончиками пальцев.

— Пообщаемся с глазу на глаз... попьём кофе. И не только, — последнее прозвучало шёпотом.

Пазл сложился моментально. Прежний владелец этого тела на такие трюки охотно вёлся. Видимо, завуч привыкла, что чуть подмигнёт — и я уже под каблуком. Ну что ж... сыграем по старым правилам.

Только с новой ставкой.

Я резко сблизился. Завуч чуть отступила, но не успела — я обхватил её за талию, притянул к себе и улыбнулся.

— А чего ждать-то, давай прямо сейчас уединимся. Я тебя прокачу на своём... своей машине. Народ я запрягу работать, а мы с тобой... ну, как вы выразились, по кофе со сливками.

Завуч замерла, ещё секунду назад в её глазах был блеск, но теперь появилась растерянность.

— Прямо... сейчас?.. — пролепетала она. — Да вы что, Владимир Петрович... у меня же дела, да и... дети тут, ученики... как это будет выглядеть?..

— А чего ж ты тогда предлагала? — спросил я, не отпуская её талию. — Или это просто слова, чтоб проверить, поведусь ли?

Мымра запыхтела, покраснела и вывернулась из моих рук.

— Вы неправильно поняли! — быстро сказала она, поправляя пиджак. — Я... имела в виду... чисто по-деловому.

— Конечно. По-деловому.

Я помолчал секунду и, не меняя интонации, добавил:

— Иди уже по своим делам. А то вдруг и вправду опоздаешь на совещание.

Завуч что-то буркнула и почти бегом выскользнула из двери. Я посмотрел ей вслед и усмехнулся.

Я только собрался выкатывать тележку, но почувствовал вибрацию мобильного в кармане. На экране был пропущенный вызов от Сани Мылова. Я нахмурился. Тот самый ботан, что пошёл к банкомату с деньгами. Я посмотрел на часы — прошло минут двадцать с того момента, как он ушёл. Набрал номер. Гудки пошли — один, второй, третий. Потом холодный механический голос прервал связь:

— Абонент временно недоступен.

Я молча выслушал эти слова и перезвонил снова. Та же песня.

— Что-то не отвечает, — пробормотал я себе под нос, глядя на экран. — Абонент не абонент.

Внутри что-то кольнуло. Интуиция — штука, которая редко меня подводила. Но... торопиться с выводами тоже не буду. Сейчас всех на уши подниму, а выяснится, что у пацана просто интернет не ловил.

Я сунул телефон обратно в карман и, покатав тележку, вернулся к ребятам. Тележка с инструментами загремела по плитке. Я остановился посреди двора и хлопнул ладонями, привлекая внимание.

— Так, девчонки, парни, внимание сюда.

Музыка из машины стала тише — Гена сообразил убавить. Я кивнул в сторону тележки, гружённой граблями, мешками и банками с краской.

— Задача у нас следующая — всем вместе надо привести в порядок территорию школы.

Инвентарь есть, — я показал рукой на тележку. — Грабли, мешки, кисточки, краска — полный набор. Школота закивали хором.

— А чтобы сделать работу хорошо, надо что?

— Что? — отозвались сразу несколько голосов.

— Надо её правильно организовать. Так что прямо сейчас займёмся организацией. Построились, молодёжь!

На этот раз строй взяли ещё быстрее. Я прошёл вдоль строя, окинув всех взглядом.

— Значит так. Мы разделим фронт работ. Всё по-честному, в добровольно-принудительном порядке. Я называю задачу и количество людей, которые на неё нужны. Кто вызывается добровольно — делает шаг вперёд. Если людей не хватает, тогда выбираю я. Всё ясно? Вопросы?

Кирилл, стоявший ближе всех, поднял руку.

— Владимир Петрович, а если желающих будет больше, чем надо? — поинтересовался он.

Я улыбнулся краем губ.

— А вот тут, Кирюха, как в жизни. Кто первый встал, того и тапки. Понял принцип?

Кирилл кивнул, за ним на всякий случай закивали остальные.

— И ещё одно! — я поднял указательный палец. — Все помнят, что я после больницы, и у меня с памятью беда. Так вот, чтобы мне не путаться, прежде чем обращаться ко мне — называете имя и фамилию. Ясно?

Класс согласно загудел.

— Вот и отлично. А чтобы я быстрее вас запомнил, предлагаю прямо сейчас познакомиться поближе. — Я достал телефон, открыл список 11-го «Д». — Ну что, поехали. Аминев, — прочитал я первым. — Твою рожу помню, можешь не выходить.

Пацан в худи ухмыльнулся, остальные засмеялись.

— Идём дальше. Афанасьева!

Из строя плавно вышла девчонка в короткой юбке и белой рубашке навывпуск. Взгляд наглый, уверенный. Она надула пузырь из жвачки и...

Хлоп!

Выглядела «школьница», конечно, эффектно. Хотя сейчас и не разберёшь, кто перед тобой — одиннадцатиклассница или студентка с последнего курса. Времена такие. Макияж, ногти, губы — и половина девчонок выглядит старше своих родителей.

По Афанасьевой сразу было видно, что она из тех, кто знает, что производит впечатление. По её глазам я понял, что она проверяет, как я на неё отреагирую.

— Как тебя звать, чудо? — спросил я, приподняв бровь.

Она улыбнулась, облизала губы, убирая следы от лопнувшего пузыря.

— Меня зовут Милана.

— Милана, значит. Ну что ж, Милана, надеюсь, сегодня ты не только жвачкой упражняться будешь. Класс прыснул от смеха, кто-то даже захлопал. Милана шутку поняла и подмигнула мне.

— Я, между прочим, отлично крашу, — сказала она, демонстративно откидывая волосы и открывая ушко.

— Вот и славно, — кивнул я. — Значит, тебя в маляры поставим. Там работы — хоть отбавляй.

Она пожалала плечиками, будто играя в равнодушие, и вернулась в строй, покачивая бёдрами. Я удержался от того, чтобы не проводить Милану взглядом.

Милана... вот блин, раньше такое имя можно было услышать разве что от какой-нибудь «ночной бабочки». Ну или певицы из кабака. А теперь — вот, школьница, одиннадцатый класс. Модно стало, видать. Не знаю, чем старые имена вроде Маш, Даш, Кать или Лен не угодили.

Я снова глянул в телефон.

— Так, дальше у нас кто... — сказал я, пролистывая список, чувствуя, что знакомство обещает быть нескучным.

Один за другим ученики выходили, называли имена, я запоминал, кто есть кто.

— Так, — пробормотал я. — Борзый... отсутствует. И дружков его тоже нет.

Что и требовалось доказать, консенсуса мы не нашли. Эти охломоны продолжали гнуть свою линию. На контакт не идут, за спиной гадят... И тут не «консенсус» нужен, а другое слово. Консенсус бывает с союзниками.

— А кому-нибудь они сказали, почему не пришли? — спросил я, поднимая взгляд на ребят.

Повисла пауза, потом отозвался Кирилл, почесав затылок:

— Да, говорили. Мол, не для того их мама родила и папа растил, чтобы они дворниками работали.

— Вон как...

Ну что ж, раз они себя выше всех поставили — значит, пусть потом и отвечают выше всех.

— Значит так, — я кивнул на тележку с граблями и мешками. — Территория у нас большая, граблей — целых пять. Работаем парами и меняемся. По два человека на грабли, кто не на граблях — собирает листву в мешок. Поняли задачу?

Школьники молчали, а я продолжил:

— Желающие есть? Это у нас самая тяжелая часть работы, но, может, найдутся добровольцы? Кто хочет больше всех помочь нашему дружному коллективу?

Руки подняли те, кто уже был со мной знаком по случаю в торговом центре: Кирилл, Генка и Кастет.

— Хорошо. Ещё желающие? Если нет, то остальных назначу сам. Чтобы никто не обижался, применим чистую математику. Буду идти по списку и называть четыре человека по нечётным номерам. Возьмём двух из верха списка и двух с конца.

Я открыл телефон, пролистнул и стал называть фамилии. Три человека вышли, а когда я назвал последнюю фамилию с конца списка, последовала попытка откеститься.

— Подождите, а у меня фамилия Смирнов, а у нас есть Солёнов. У меня вторая буква «М», а у него — «О», значит, список искажён, — сказал пацан.

Я посмотрел на него, затем на Солёнова, тот заметно напрягся.

— Ну что, Солёнов, пойдёшь ты, не Смирнов? Шаг вперёд.

Солёнов вышел, опустив подбородок к груди. Он не спорил, просто сделал то, что от него требовали.

— Отлично, — продолжил я. — Теперь, что называется: грабли в руки, мешки под мышку и вперёд. Убирайтесь так, чтобы за вами не пришлось переделывать. Потому что переделывать будете тоже вы.

Я улыбнулся, и ребята, кто поохотнее, уже засуетились. Начали хватать грабли и мешки.

В строю остались шесть человек, стоявших так, будто корни пустили. Один зевал, другой ковырялся в телефоне... ну и Милана.

— Так, ребятки, ну а теперь — самая лёгкая часть работы. Вы пойдёте красить ворота и турники.

Милана закивала, она и так вызвалась добровольцем. Кстати, любопытно, откуда у неё навык что-то красить — или маникюр сама себе делает? Тоже какой-никакой, но навык. А вот парни напряглись и переглянулись.

— Это сложнее, чем грабли, Владимир Петрович! А вы говорили, что это легче...

Я развёл руками, делая невинное лицо:

— Я пошутил.

На секунду воцарилась тишина, потом тот самый Смирнов выдохнул:

— Блин... надо было соглашаться на грабли.

— Надо, Федя, надо, — сказал я с улыбкой. — А теперь поздно.

Ребята застонали, Смирнов театрально закатил глаза.

— Ну вы же сами сказали, что это будет легче. Мы думали, возьмём что-нибудь попроще.

— Вот видишь, — я усмехнулся. — Индюк тоже думал, да в суп попал. Вам, парни, будет уроком на будущее, что верить на слово нельзя.

Я постучал пальцем по банке с краской.

— Так что кисти в руки, и чтоб всё блестело, как в кремлёвском парке.

«Художники» тяжело вздохнули, но пошли. Один нёс банку, другой — кисти, третий — гримасу обречённого «солдата».

Школота медленно рассосалась по двору. Я стоял и наблюдал. Солнце било под углом, свет скользил по листве, и было видно, сколько здесь за осень навалилось добра — листья, мусор, окурки, пластиковые стаканы. После листопада двор, похоже, вообще не трогали. Школьный двор был в слое листвы. И по-хорошему тут рота дворников не справится.

Но ребята молодые, втянутся... по крайней мере, именно так я думал поначалу. А вот дальше моё мнение насчёт «справятся» начало меняться на диаметрально противоположное.

Первым делом я глянул на ребят, что взяли грабли, и картина была та ещё. Один держал грабли за самый конец черенка. Другой, наоборот, схватился почти у зубьев и елозил по земле, будто гладил кошку.

Листву они не гребли, а сдвигали с места, потом пытались прижать ногой, при этом ржали. Кастет зачем-то стал граблями «тыкать» в землю, будто пытался насадить листья на зубцы, как шашлык.

— Во дают, — пробормотал я.

Тем временем неподалёку, возле турников, началось представление номер два. Такое же занимательное и содержательное, как первое.

«Художники» взяли банки с краской и кисти. Кисти были не новые — на щетине были засохшие комья старой краски, как камень. Но парни даже не удосужились их размягчить или очистить, просто начали тыкать прямо в банку. Не ну а что? В их системе координат и мировосприятия ребят ничего не смущало.

— О, густо берёт! — радостно сказал Смирнов и тут же шлёпнул кистью по железной перекладине.

Краска легла неровным, жирным пятном, прямо поверх грязи и пыли. Второй паренёк стал её размазывать, оставляя разводы и комки.

То, что они делали, к покраске не имело никакого отношения. Милана тоже не помогла: вместо того чтобы красить, она отошла в сторонку и начала переговариваться с кем-то по телефону. Вот тебе и «команда ух».

Я прекрасно понимал, что такими темпами мы далеко не уйдем. Вернее, в принципе вообще никуда не уйдем...

Глава 3

Я стоял, смотрел, как они возятся, и внутри у меня уже начинало закипать. То, что эти пацаны и девчонки никогда в жизни не держали грабли и даже кисти, я понял почти сразу.

Я вздохнул, подошёл ближе и сказал громко, чтобы каждый услышал:

— Вы что, никогда ничего не красили и не убирали, что ли?

Кирилл поднял глаза, будто вопрос поставил его в тупик.

— Нет, — ответил он. — Никогда.

— А батя не учил? — уточнил я.

— Да у меня батя бутылку водки даёт соседу по общежитию, — ответил парень с усмешкой.
— Тот приходит, всё делает, чё по дому.

— А у меня батя, что не для того учился, чтобы руки марать.

— А у меня мама мастера на час вызывает. Говорит, дешевле, чем потом стены переклеивать, потому что у бати руки из жопы растут.

Раздался дружный смех. Я дал молодым пару секунд повеселиться, потом резко оборвал гомон.

— Цыц, разговорчики!

Тишина встала мгновенно.

Я посмотрел на них внимательно, понимая, что передо мной стояло поколение, которое ничего не знало про мозоли, про запах краски, про тяжесть железа в руках. Ни один не понимал, что значит «сделать сам». У всех — сервисы, мастера, кнопки на телефоне.

Перекус времени, если так можно сказать, был налицо. Молодёжь, воспитанная ещё на советских идеалах, привыкла всё делать своими руками.

подавляющая часть мужиков умела делать практически всё — и по дому что починить, и движок, если надо, перебрать, и косметику в квартире навести. А эти... вон, на кисть смотрят, как на древнее орудие пыток.

Я вздохнул, взял у Кирилла грабли, проверил зубья.

— Так, мужики, один раз показываю. Потом чтоб не было этих ваших «а я не знал». Делать всё равно надо, но с вашими темпами проще руками листья собирать. Поняли, нет?

— Поняли, Владимир Петрович, — ответили ученики.

— Ну смотрите внимательно. Вот грабли, вот земля. Не надо её гладить или бить. Движение должно быть уверенное.

Я сжал черенок и сделал пару уверенных, чётких движений. Листва и мусор пошли ровным валом, сухо зашуршав под зубьями. В пару взмахов я собрал больше, чем они всей бригадой за пять минут. Пацаны молча наблюдали.

— А потом вот так, — я зачерпнул граблями кучку и ловко направил её в раскрытый мешок. — Всё. Дальше ногой прижали, чтобы не вылетало, и следующий круг. Всё понятно? — спросил я, глядя по очереди каждому в глаза.

— Да, Владимир Петрович! — ответили хором и, что удивительно, почти без издёвки.

— Ну тогда делайте, — сказал я, протягивая грабли обратно.

Кирилл попробовал повторить — неловко, но уже без той растерянности.

— Вот, другое дело, — хмыкнул я. — Учиться никогда не поздно. Сегодня грабли, завтра кисть, а там, глядишь, и до жизни дойдём.

Я отошёл, наблюдая, как они снова принимаются за дело, уже с интересом. Ребята начали повторять, сначала как-то неуверенно, сбиваясь, а потом, чёрт возьми, у них стало получаться. Листва пошла в мешки.

— Смотрите, Владимир Петрович, получается!

— Получается, потому что не умничаешь, а делаешь, — заверил я. — Красавчик.

Я подошёл к тем, кто должен был заниматься покраской. Картина, как я уже говорил, хоть стой, хоть падай.

Ребята сразу замерли. Один из них, щуплый, с чёлкой, оторопело поднял кисть и спросил:

— Что, неправильно делаем, Владимир Петрович?

— Мужики, ладно, — сказал я, — что вы ни хрена не умеете — дело житейское. Но башку-то включить можно? Соображалка у вас где? Вы ж видите, что не так должно быть!

Они переглянулись.

— Понимаем, Владимир Петрович, — протянул тот, что с чёлкой. — Только мы ж не бабы — маникюр делать не умеем. Откуда нам знать, как это правильно-то? А Милана хрен забила.

Кстати, Милана. Я нашёл взглядом девчонку: та отошла к забору, продолжая с кем-то разговаривать по телефону. И вдобавок достала из кармана какую-то хреновину и в буквальном смысле её сосала, выпуская дым... бульбулятор, что ли?

Я подошёл к девчонке.

— Зая, тут тема такая, я пока не знаю, когда освобожусь, физрук лютует. Но если тебе так не терпится, приедь к школе и меня заberi...

Она осеклась и не договорила, потому что я выхватил у неё телефон. Нажал на отбой и протянул ей телефон обратно.

Милана обернулась и выпучила на меня глаза. Бульбулятор, или что это там у неё, девчонка спрятала в карман. Она явно напряглась, готова к тому, что я начну её отчитывать. В воздухе, кстати, пахло чем-то вроде персика — такой вот химозный и не самый приятный запах.

— Не понял: я думал, ты мне покраску организуешь, пацанам пример покажешь, — улыбнулся я.

Было поползновение девчонку отсчитать, не скрою, но я решил зайти с другой стороны.

— Владимир Петрович, да мне тут один козёл позвонил, я отвлеклась...

Определилась бы хотя бы для себя: это козёл или зая? Или один хрен — зоопарк, и разницы, как назовёшь, нет?

— Давай, Милан, включайся, — сказал я. — А если ты думаешь, что я тебя за что-то отсчитывать буду, то не угадала. Ты девочка взрослая и, думаю, сама понимаешь, что сосать эту хреновину на школьном дворе не надо.

Милана улыбнулась уголками губ.

— А если мне нравится сосать... — она невинно заморгала глазками. — Всякую, как вы говорите, хреновину, Владимир...

Отчество она добавлять не стала. Я понял, куда наклонит, и медленно покачал головой.

— Не стоит.

— А может, — она смерила меня взглядом, — всё-таки стоит?

— Милана, — холодно ответил я. — Не вынуждай меня дважды повторять.

— Ой, подумаешь, у нас с тобой лет пять разница, — она закатила глаза и, демонстративно жуя жвачку, пошла к малярам.

Горячая, блин, штучка. Я с минуту постоял, размышляя. Привыкла, зараза, что одним своим видом кружит голову мужикам.

Потом развернулся и медленно пошёл обратно к турникам. Милана, кстати, никуда не ушла, но снова залипла в телефоне. И оторвала от экрана взгляд только когда поняла, что я вернулся.

— Мужики, а вы у себя во дворе турники когда-нибудь красили? — спросил я, ещё ища хоть какие-то точки соприкосновения.

— А нафига нам что-то красить? — отозвался Смирнов. — Есть же управляющая компания. Это их зона ответственности.

Я посмотрел на него, потом на остальных. Те молчали, кто-то даже кивнул в знак согласия.

Я подошёл ближе, взял у Смирнова кисть. Ну не привык я на кого-то проблемы вешать. — Знаешь, я тебе так скажу. Я если во дворе вижу облезлую стену, я не ищу никакую компанию. Беру кисть, тряпку — и крашу.

— Почему? — искренне удивился Смирнов.

— Потому что твой двор — это твоя зона ответственности. И если он обшарпанный, значит, и ты внутри такой же. Так и со школой. Смотри сюда.

Я взял кисточку. щетина торчала, как старый веник, засохшая краска превратила её в камень.

— Почему у вас ни черта не выходит? Да потому что кисть должна быть «живая»!

Я подошёл к банке с растворителем, опустил туда кисть, слегка повертел. Через пару секунд старая краска начала сходить, щетина снова стала мягкой, податливой.

— Видите? Замочил — и снова как новая, — я подмигнул Милане. — Как человек: если мозги промыть, то и думать начнёт.

Парни прыснули от смеха, но внимательно смотрели. Милана чуть вспыхнула румянцем.

Я вытащил кисть, стряхнул лишнее и кивнул на турник:

— А теперь, прежде чем красить, поверхность надо подготовить. Не так, как вы делали — тыкнул и пошёл размазывать. Если грязь не убрать, краска слезет через пару дней.

Я взял ветошь, макнул её в растворитель, провёл по металлу. Тряпка сразу почернела.

— Вот вам и чистенький турник, — сказал я, вытирая его насухо. — А теперь наносим краску тонким слоем, не жадничаем. Первый слой — как грунтовка, он цепляется за металл. Второй ляжет ровнее, а третий уже даст тот цвет, который мы хотим.

Я провёл кистью, краска легла ровно. Пацаны стояли, заворожённо глядя. Один не выдержал:

— Владимир Петрович, так вы же почти ничего не покрасили!

— А это только первый слой, братцы. Потом схватится — и вторым пойдём. Не гоните, красьте с умом. В общем, пробуйте. Вы тоже научитесь. Только для этого надо не ждать управляющих компаний, а начать с себя.

Я положил кисточку, вытер руки о тряпку, смоченную растворителем.

— Берите тряпки, протирайте железо, потом красьте, как я показал.

Парни взяли инструменты, стали пробовать. Получалось криво: где-то мазки шли вразнобой, где-то краска ложилась комками, но теперь они хотя бы старались.

— Милана, а тебе особое приглашение нужно? — я покосился на девчонку.

— Владимир Петрович, за мной сейчас типочек подскочит, можете меня отпустить?

— Отпустить ты можешь сама себя: вон те ворота покрась — и можешь идти.

— А если я в краске перепачкаюсь, а мне в рестик идти...

— Аккуратно делай, не спеши — и не испачкаешься. А твой типочек, если ты ему нужна, подождёт, — заверил я.

Милана закатила глаза, буркнула что-то про то, что её Амиран не станет ждать, но кисть взяла. Амиран, блин... я сдержался и ничего не сказал. Дурочки малолетние, не понимают, что чаще всего такие вот Амираны с девчонками играют и по-серьёзному такие отношения с девушками вроде Миланы не рассматривают. Так, поматросил и бросил. Хотя способностям таких вот Амиранов убеждать многие бы позавидовали.

Ладно, у неё своя голова на плечах, чужие мозги ей в череп не вставишь. Поживёт — сама поймёт, как жизнь устроена. А я, если начну объяснять, то ещё и козлом останусь.

Я наблюдал, как пацаны начали красить и из движения становились увереннее. Смирнов, нахмурившись, поддел кистью слишком много краски, но потом сам понял и исправил.

— Вот, другое дело, — похвалил я.

За работой время, как водится, пролетело незаметно.

Краска уже ложилась ровно, листья шуршали под граблями, ученики работали и напевали себе под нос Ирину Салтыкову, чья песня играла из открытого окна машины.

У меня совсем вылетело из головы, что мы ждём курьера.

— Владимир Петрович! — окликнул Кирилл, запыхавшись. — Там курьер приехал, а Сани до сих пор нет. Что делать будем?

Курьер, паренёк с квадратным жёлтым рюкзаком за спиной, уже действительно стоял у ворот. Я глянул на часы, подмечая, что Сани нет уже около часа.

— Здорово, брат, — сказал я, подходя. — Можно рассчитаться наличкой?

Курьер покачал головой, вытащил наушник из одного уха.

— Нет, только по карте, у нас так в системе, — сказал он и вставил наушник обратно в ухо.

— А может, не в службу, а в дружбу? За чаевые метнёшься, положишь на свою карточку, сам оплатишь, а я тебе сверху добавлю? — предложил я решение.

Курьер снова вытащил наушник, посмотрел на меня уже внимательнее.

— Нет, к сожалению, так не получится. Мне ещё на другой заказ ехать.

— А если я тебе потом по телефону бабки скину, есть вариант? Под честное слово. Ну или загляни ко мне, как второй заказ отвезёшь, а я пойду деньги на карту закину.

Курьер на меня уставился, явно с удивлением.

— Н-нет, нельзя.

Я помолчал пару секунд, глядя, как ветер поднимает пыль у его ног. Вот тебе и цифровая эпоха..., а ведь раньше такие вещи решались просто — слово дал, и всё.

— Ладно, сейчас решим.

Я оглянулся — Марина стояла у турников, помогая ребятам красить. Она держала банку с краской, волосы выбились из-под резинки, на щеке осталось голубое пятнышко краски. Настоящая малярша, блин.

— Марин! — позвал я. — Выручай, пожалуйста. Сможешь оплатить заказ со своей карты? Саня как вернётся, так деньги сразу отдам, слово даю. Ну или я тебе сейчас из своих дам.

Марина подошла, вытирая руки салфеткой, и посмотрела на меня с лёгкой тревогой:

— Владимир Петрович, а если он не вернётся?

Я усмехнулся.

— Саня? А куда он денется? Вернётся. Я таких, как он, за километр чую. Он просто запоздал. Кидать пацан точно не станет.

— Да я не про это... — Марина поколебалась секунду. — Ладно, сейчас переведу.

Она достала телефон, открыла приложение, курьер сунул ей свой телефон экраном. Пара движений пальцем — и всё было готово.

— Оплата прошла, спасибо.

— Спасибо тебе, брат, — сказал я, хлопнув его по плечу. — Давай поосторожнее на дороге, мир нынче нервный.

Курьер кивнул, оставил еду и ушёл к своему скутеру.

Марина тем временем стояла, протирая пальцы салфеткой.

— Только, Владимир Петрович, пожалуйста, не забудьте вернуть, — сказала она с лёгкой улыбкой.

— Ну, если забуду, — можешь меня краской облить, — ответил я. — И не в шутку, а как стены в спортзале — в три слоя.

Марина хихикнула, но на её лице явно застыло беспокойство.

— Чего такое? Еда не нравится? — я покосился на несколько пакетов, стоявших на земле.

— Да нет, просто... я думаю, где Саша. Банкомат-то тут недалеко, минут пять ходьбы. Я, когда шла сюда, видела, что они работают. Да и если бы не работали, он бы снял прямо в отделении банка — оно там же, я его знаю, оно всегда открыто.

Я усмехнулся, стараясь разрядить обстановку:

— Ну, мало ли. Банк-то может и работает, а может — хрен его знает, вдруг ограбление случилось?

Марина хмыкнула, но тревога не ушла. У меня, признаться, тоже кольнуло в груди что-то нехорошее. Шуткой я прикрыл беспокойство, но сам уже насторожился. Саша ушёл давно.

— Ладно, сейчас звякну этому растяпе, может, где застрял.

Я достал телефон, набрал его номер. Сигнал пошёл сразу — значит, телефон не выключен. Уже хорошо, что нет вот этого «абонент — не абонент».

Только вот никто не ответил.

Марина стояла рядом, теребя свой телефон в руках.

— Я тоже звонила, Владимир Петрович, — шепнула она. — Трубку не берёт. Но там же недалеко... может, просто не слышит?

Я позвонил ещё раз. Секунды тянулись, потом звонок снова сбросился.

— Не берёт, — повторил я тихо.

Повисла пауза. Ребята вокруг, не чувствуя тревоги, переговаривались, возились с мешками с листьями и с краской.

Я заставил себя усмехнуться:

— Может, парень деньги взял да прогулял. Молодой, всякое бывает — в голову лезет всякая дурь.

Марина сразу качнула головой.

— Нет, вы, Владимир Петрович, плохо знаете Сашу, — заверила она. — Он очень хороший мальчик.

Скромный, старательный. И вообще ему тяжело в классе, его там... ну, не совсем принимают. Да вы и сами говорили, что кого-то кинуть ему и в голову не может прийти.

Говорил... права Марина, конечно.

— Ладно, если ещё через полчаса не появится — пойду сам искать.

Она чуть успокоилась, но телефон всё равно не убрала.

Я же посмотрел на ребят — те уже заметили пакеты с едой и ждали отмашку.

— Всё, народ, перерыв. Перекусим — и снова за дело.

Пацаны заулыбались, кто-то крикнул:

— Владимир Петрович, а пиццу с чем взяли?

— Ну подойди и посмотри!

Сразу зашуршали пакеты, запахло едой.

На траве разложили картонку, поставили коробки с пищей, напитки. А ещё вытащили какую-то белую коробку, из которой шёл странный запах. Вроде бы рыба, но не жареная, а сырая.

— А это что за фигня? — поинтересовался я.

— Роллы! — радостно ответил Кирилл.

Я присел на корточки, открыл крышку и недоверчиво посмотрел. Внутри оказались аккуратные цилиндрики из риса и ещё что-то розовое, зелёное и какие-то водоросли.

— Рыба в рисе? Варёная хотя бы?

— Не всегда, там сырая бывает, но свежая!

Я промолчал. Хотя хотелось возразить, что рыба, которая не видела сковороды, — это так себе еда. Прямой путь к глистам, прости, что скажешь.

Марина протянула мне коробку поближе:

— Попробуйте, Владимир Петрович. Вы правда никогда не ели?

— Да как-то не доводилось, — сказал я, глядя на всё это подозрительно. — Я больше по классике: селедка, картошка, лук.

— Попробуйте, — повторила Марина, — зря вы так. Это вкусно, правда.

— Ладно, — уступил я. — Где вилка?

— Вилки тут нет, едят палочками.

Я взял палочки, покрутил в пальцах, но эти скользкие деревянные штуки жили своей жизнью. Попробовал взять ролл — тот соскользнул и упал обратно.

— Давайте я помогу, — предложила Марина. Она взяла палочки, ловко подцепила ролл и подняла.

— Вот так. Его надо чуть окунуть в соевый соус, — сказала она, макая ролл в маленькую баночку. — А сверху можно положить немного васаби — это такая японская горчица.

— Понял, — кивнул я.

— Откройте рот, — сказала она, улыбаясь.

Я послушно приоткрыл рот. Ролл покачнулся в воздухе, палочки в её руках слегка дрогнули, и я успел заметить, как у Марины вдруг побелели губы.

— Саша... — прошептала она.

Я обернулся.

И всё вокруг будто застыло...

На входе в школьный двор стоял Саша. Тот самый Мылов, которого мы уже ждали целый час.

Рубашка порвана, очки наперекосяк, одно стекло треснуло, лицо грязное, волосы взъерошены, на коленке ссадина.

Ролл соскользнул из палочек, упал прямо на землю, разлетевшись рисом и рыбой.

Я поднялся и пошёл к пацану.

— Саша...

Он стоял, дышал тяжело, глаза под красными линзами были растерянные, но в них застыли боль и обида.

Глава 4

Я первым бросился к пацану. Саша стоял, покачиваясь, как будто не понимал, где он. Марина побледнела, прикрыла рот рукой. Ученики за спиной начали хихикать.

— Глянь, какой красавчик! — пробурчал кто-то. — Герой дня!

— Не, лошара обыкновенный! — вторил другой. Смех прокатился по кругу.

— Цыц! — рявкнул я так, что все замерли. — Все нахрен заткнулись!

Тишина повисла мгновенно. А я подошёл к пацану, взял его под локоть.

— Пойдём, Сань.

Он не сопротивлялся. Шёл, как в тумане. Я отвёл его к машине, усадил на пассажирское кресло. Следом открыл бардачок и достал аптечку.

— Сидеть. Не дёргайся, — сказал я, вытирая ему лицо влажной салфеткой.

Саша морщился, но терпел. Я аккуратно промыл рассечённую бровь перекисью, смазал зелёнкой.

— Щиплет? — спросил я.

— Нормально, — прошептал он.

— Нормально — это не ответ, — сказал я, глядя ему в глаза. — Кто тебя так, а?

Он отвёл взгляд. Я буквально услышал, как скрипнула эмаль на его зубах.

Марина наклонилась рядом:

— Саша, милый, скажи, что случилось? Где ты был? Кто это сделал?

Пацан молчал, как партизан.

— Никто... — выдавил он наконец. — Я просто упал.

— Упал? — переспросил я. — Ну да, с лестницы в подвал, наверное.

Он снова опустил голову. Рассказывать, что произошло, он явно не собирался. Я выдохнул, закрыл аптечку, встал и повернулся к Марине:

— Так, Марин, — твёрдо сказал я. — Отойди, мы с Сашей по-мужски поговорим.

— Но, Владимир Петрович... — начала она. — Вы же видите, его избил! Надо что-то делать, надо узнать, кто...

— Я узнаю, — перебил я. — Пойди пока подыши свежим воздухом.

Марина стояла, колебалась, потом всё-таки кивнула.

— Хорошо. Только, пожалуйста, без...

— Без «пожалуйста», — отрезал я.

Классуха посмотрела ещё раз на Сашу — тревожно, по-матерински. Вздохнула ещё раз и всё-таки отошла. Я подождал, пока она отойдёт на достаточное расстояние. Затем выключил музыку и повернулся к пацану.

— Ну, Сань, давай теперь без сказок. Кто тебе так лицо расписал?

Он молчал. Но я знал, что разговор только начинается, и положил руку ему на плечо. По-мужски, чтобы он почувствовал опору. Глаза у него были большими и мокрыми от усталости, но не от слёз. Да и стёкла у его очков, блин, были с палец толщиной. Оттого глаза казались ещё больше.

— Если скажешь честно — войду в положение и постараюсь помочь, — пообещал я.

Он молчал, глотнул, будто собирал слова в кучу. Я не спешил, решил брать тишиной. В ней чаще всего вся правда вылезает наружу. Через минуту Саня, наконец, заговорил:

— Деньги не забрали. Но хотели.

Из трусов он аккуратно вынул скомканные деньги, купюры были помяты, но целы. Я посмотрел на него... красавчик — даже когда прессовали, не растерялся и не отдал.

— Кто наехал? — спросил я прямо.

Саша отвёл взгляд.

— Не скажу.

— Слушай: если мы будем знать, кто борзее, то поймём, как с этим поступить. Ты же не хочешь, чтобы им это сошло с рук?

Саша поднял голову. В глазах мелькнуло секундное «хочу».

— Хочу, — выдал он коротко. — Наказать.

— Значит, слушай меня внимательно. Ты мне сейчас подробно расскажешь — где, когда, сколько их было, кто что говорил. Имена можешь не говорить, если боишься, описания хватит.

Саша вскинул подбородок. Я дал ему паузу, всё переварить.

— Ты не стукач, — добавил я тише. — Ты пострадавший. Мы же хотим прийти к тому, чтобы те, кто это сделал, не захотели повторить?

Пацан посмотрел на меня, опустил глаза на сведённые ладони... и заговорил.

— Прикопались возле «Пятёрочки», почти у банкомата... Я не хочу, чтобы они так с кем-то ещё поступали, — прошептал он.

Саша сделал глубокий вдох, медленно выдохнул — видно было, как каждая фраза даётся ему с трудом. Он нервно тёр руки о штанину.

— Это Борзый... он и его гоп-команда. Они хотели у меня деньги отнять.

Пацан стиснул кулаки.

Я вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

— То есть они про деньги в курсе были?

— В курсе, — подтвердил Мылов.

Я помолчал — в голове уже складывалась картина. Борзого и его дружков здесь не было, значит, кто-то в классе слил инфу. Вот это дела...

— Ты говорил ему, что деньги общие и что я их тебе дал? — спросил я.

— Говорил, — выдал Саня. — Но Борзый сказал, что ему плевать, и что он вас изобьёт, если вы будете вмешиваться.

Саня снова замолк, слова застряли в горле.

— Почему ты деньги не отдал? — спросил я.

— Сказал, что я уже деньги на карточку положил, сразу на вашу, — прошептал пацан.

Я внушительно кивнул. Мужик, блин! Хорошо, что он сказал правду, что гопота про деньги знала, и Саня им говорил, что деньги общие. Это важный момент.

— Где они сейчас, в курсе? — уточнил я.

Пацан отрицательно замотал головой. Я достал свой мобильник, быстро нашёл номер Борзого в чате и позвонил. Гудки шли... но тот не брал трубку. Ещё одна попытка — та же песня. А когда я позвонил в третий раз, то уже не смог дозвониться.

— Он вас... он вас в чёрный список кинул, — подсказал Саня. — Я видел.

— Ясно, — выдохнул я.

Внутри меня всё кипело. Последняя вещь, когда сильный обижает слабого, — это то, что нельзя оставлять так. Надо пресекать сразу и жёстко, чтобы больше не повторялось.

Я положил телефон в карман и посмотрел на Саню. Его плечи всё ещё дрожали, глаза он отводил в сторону.

— Скажи прямо, — продолжил я. — Ты знаешь, где эти ребята сейчас?

Он снова мотнул головой, уставившись в коврик под ногами.

— Не знаю, — выдал он.

Я слышал и видел ложь в его «не знаю» так же ясно, как слышал биение собственного сердца. Но не стал давить. Зашёл по-другому.

— Подумай вот о чём, — зашептал я. — Если ты промолчишь, они не перестанут к тебе докапываться.

— Я мужчина, Владимир Петрович, я сам разберусь, — неожиданно жёстко отрезал Саня, подняв взгляд и посмотрев мне в глаза.

Понял... в груди у него месть сидит. И никого вмешивать пацан не хочет. Откровенно говоря, в Сане было куда больше мужского, чем в Борзом и его личной гвардии вместе взятых.

Мне хотелось помочь пацану... вот только как? Я, конечно, в психологию не особо верю, но тут бы не поломать пацана своим хотением.

В этот момент телефон, который он положил на торпеду, завибрировал. Я заметил, как пацан вздрогнул, а я тут же перевёл взгляд на экран. Пришло СМС от Борзого.

Пацан тотчас вздрогнул, хватил мобильник, прочитал сообщение.

— Дай гляну, — попросил я. — Слово даю, что никому не скажу, что он тебе написал.

Саня заколебался, но протянул мне мобильник. Я пробежался глазами по сообщению. Алладин оборзел настолько, что не скрываясь, угрожал однокласснику прямо по переписке. Но было в сообщении что-то куда более полезное, чем угрозы. Борзый подтверждал «стрелку», которую сообщением выше забил ему Саша. Речь шла о встрече один на один.

Я переслал сообщение, вернул взгляд на пацана и протянул ему телефон в руки. В сообщении я увидел, что предложение о стрелке Саня выслал ещё 20 минут назад. Тут не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что время до этого он где-то шляется. Да и когда мимо школы проходил... я вдруг понял, что Мылов шёл отнюдь не на школьный двор.

В глазах Сани горела решимость.

— Ты не будешь идти один. Понял? — сказал я. — Я не позволю им прийти и сломать тебя. Ты же пацан взрослый, понимаешь, что такие уроды не ходят на встречи по одному?

— Мы договорились встретиться с глазу на глаз, — процедил Саша.

Я видел, что он рассчитывал решить всё в одиночку. Всё-таки мужества пацану было не занимать. С фактурой не повезло, но это дело поправимое, если походить в зал.

— А почему тебя так долго не было? — спросил я.

— Я домой заходил, — признался Саша.

— А дома что делал? Надеюсь, не деньги брал?

Пацан вздрогнул, потом ответил, едва шевеля губами:

— Деньги... — и снова замялся.

Хм... неужто пацан хотел сберечь общие деньги и был готов отдать свои?

— Давай так, звони этому утырку и уточняй про встречу один на один. Я пойду с тобой, но не вмешиваюсь, если он придёт один. Я просто посмотрю со стороны. Звони, звони!

Саша взял телефон дрожащими пальцами и набрал номер. Через пару секунд в трубке послышался грубый голос Борзого. Саша старался сохранять спокойствие, уточнил у него насчёт встречи один на один.

— Ты не ссы, приходи, я один буду, — заверил Борзый.

Саша сбросил звонок.

— Сказал, один придёт.

— Посмотрим. Если он сдержит слово, то я вмешиваться не буду, — я протянул Саше руку.

Тот шмыгнул носом и руку пожал. И в этот момент... мои глаза поползли на лоб. Когда он жал мне руку, рубашка Саши приподнялась. Под поясом чернел ствол.

— О, дружок, так ты его мочить собрался? — прошептал я.

— Да, — Саня не стал врать. — Он по-хорошему не понимает.

— А ствол где взял?

— У отца... — выдавил он. — Травмат.

Я видел в Саше не злодея, а мальчишку, который впервые взял в руки реальную угрозу и думает, что это решение. Это была страшная наивность.

— Ясно всё с тобой, — сказал я. — Слушай, ты думаешь, что если выстрелишь, то всё кончится. Замочишь его, покалечишь — и что дальше? Сидеть потом долго и нудно. Родители к тебе не придут, школу не вернёшь.

— Я понимаю, — неожиданно по-взрослому ответил мне пацан.

— Жизнь у тебя одна. Это не кино, обратно не перемотаешь.

Он качнул головой, глаза были полны решимости и отчаяния одновременно.

— А как мне быть, Владимир Петрович? Я его и так просил, и этак... Чем дальше, тем хуже. Другого решения я не вижу.

Я обошёл машину, переваривая новые вводные. Сел на водительское сиденье и поднял до упора стёкла на дверях.

— А есть за что издеваться? — спросил я прямо, не мороча голову ни себе, ни Сане.

Вопрос неприятный, но простой: либо повод есть — либо это чистая сволочность. Саня молчал, будто взвешивая, потом выдохнул и сказал тихо:

— Я кое-что о нём знаю, Владимир Петрович. Он боится, что я это расскажу... вот только я не собирался ничего никому рассказывать...

— А он просил не рассказывать? Даже не так — с чего он взял, что ты расскажешь? — уточнил я.

Спрашивать, по крайней мере, пока что, что за информация была на Борзого у Сани, я не стал.

— Не знаю... — честно ответил Саша. — Сначала были просто оскорбления, потом удары, а потом всё пошло по нарастающей. Они начали преследовать меня, вымогать деньги, угрожать.

Всё встало по местам: мелочь, к которой можно было бы не придирааться, выросла в повод для насилия. У сильного всегда есть миллион оправданий — от скуки до надписи на футболке. Но правда одна — никакая причина не превращает издевательство в допустимое поведение. А тут Саня говорил, что и повода он не давал, и я пацану верил.

— Слушай, — заговорил я. — Если Борзый не полный отморозок, у него, может, и есть повод. По крайней мере для себя он может как-то его найти. Но поводы не дают права ломать людей. А если он отморозок, то с ним по-отмороженному. Понимаешь разницу?

Саня кивнул, глаза были всё ещё полны тревоги, но в них искрилась решимость, которую я уже видел раньше. Крепко довели пацана эти уроды.

— Ты большой молодец, — сказал я. — Можно быть слабым телом и сильным человеком. Ты — сильный человек. Ты сделал то, что от тебя требовалось — сказал правду. И запомни: не каждый, кто груб, — мужчина. Мужчина тот, кто отвечает за свои дела. Ты это понял.

Я сделал паузу, посмотрел на школьный двор, где ребята продолжали раскладывать еду.

— А бабки за что трусят? — спросил я, потому что мелочь часто объясняет многое.

— За то, что я на субботник пришёл...

Любопытно... пацан пришёл на субботник — и за это его ещё и доят? Это уже не просто наглость, это системная гниль: пользуются тем, кто порядочен. Ну так и расплатимся за принцип. Да и удобный момент, чтобы с Борзым кое-что уладить раз и навсегда.

— Ладно, — выдохнул я тихо. — Самое время, чтобы к Алладину джин прискакал — пусть удивится... Значит так, сейчас ты мне отдаёшь ствол, — я выставил ладонь и дождался, пока он отдал травмат.

Я тотчас сунул пистолет в карман. Всё-таки пушки детям не игрушки, хотя, положи руку на сердце, за время нашего короткого знакомства, я уже понял, что Саня далеко не ребёнок. Он думал, что готов воевать в одиночку. Но на самом деле ни черта он не был готов. Я понимал это и потому действовал по-старому: не ломать молодых, а подставить плечо так, чтобы они не сломались окончательно.

— Так, малой, жди тут. Я пока объясню коллективу и, в частности, Марине, что мы ненадолго отлучимся. Для легенды — в больничку поедем.

Я вышел из машины. Марина сидела у края импровизированного стола, держала в руках салфетку. Она сначала посмотрела на меня с надеждой, потом с опаской.

— Что с Сашей? — спросила она, не сдерживая тревогу. — Он рассказал что-нибудь?

— Упал пацан, — заверил я.

— Не может быть, чтобы он просто упал — он как будто побит! — не поверила классуха. Я видел, как в её глазах проступает желание действовать по инструкции. Вызвать скорую, ментов... это был её рефлекс — педагогический, человеческий, правильный.

Но я знал, что в такой ситуации нужен совсем другой подход.

— Понимаю, как это выглядит. Но такое у пацанов бывает — оступился, упал... — я развёл руками. — Короче, Марин, я хочу показать его врачу, чтобы потом у нас проблем не было.

Классуха, по сути такая же молодая девчонка, немногим старше своих учеников, смотрела на меня, и в её взгляде читалось сомнение.

— Хорошо, — она неуверенно кивнула. — Только осторожно. И удачи вам... Спасибо, что прикрываете.

В её голосе прозвучала простая человеческая благодарность.

— Вернусь через полчаса, — добавил я и улыбнулся так, чтобы это выглядело как план. Я хлопнул в ладони, и ребята обернулись.

— Так, народ, внимание сюда! Кирилл!

Тот оторвался от коробки с роллами, быстро подошёл, вытирая руки о спортивные штаны.

— Я, Владимир Петрович!

— Слушай сюда внимательно. Меня полчаса не будет — дела срочные. Пока я отлучусь, ты здесь за старшего. Понял? Следишь, чтобы никто не филонил. Девчонок не трогаем, мусор собираем. А в идеале к моему возвращению, чтобы всё уже было готово, понял?

Кирилл распрямился, даже осанка изменилась — будто не старшекласник, а командир отделения перед проверкой.

— Есть, Владимир Петрович! Сделаем, всё под контролем.

— Молодец, — сказал я и хлопнул его по плечу, по-товарищески. — Не подведи, Кирюха. Он кивнул, губы растянулись в улыбку.

— Так, парни, быстро добираем мешки, потом красим вторым слоем! Милана, не отвлекайся, кисть ровнее держи! — включился Кирилл.

Я усмехнулся. Красавчик. Может, толк из него и выйдет.

Я вернулся к машине, сел за руль, посмотрел на Саню. Ситуация сейчас плавно переходила из разряда школьного конфликта в реальность взрослых правил. В голове уже выстраивался порядок действий, но это было моё внутреннее дело. О котором Сане знать не обязательно.

— Ну что, командир, теперь наша очередь. Поехали ставить точки над «i», — сказал я и завёл мотор.

Мы выехали со двора школы, адрес я забил в навигатор. За окном медленно поплыли стены, тополя, повороты. Я краем глаза наблюдал за пацаном: с каждым километром он будто уходил внутрь себя, собирался в комок.

Через несколько минут свернули с главной дороги. Дальше пошёл пустырь, бетонные блоки и ржавый кран на стройке за забором. Здесь царила тишина, которую нарушал редкий лай собак. Я сразу отметил, что место выбрано не дураком. Тут ни камер, ни свидетелей. Удобно для тех, кто любит договариваться весомыми аргументами.

— Здесь? — уточнил я. — Да...

Глава 5

Я осмотрелся. Прометил старые гаражи с облупленной краской. Решил остановиться именно там. С дороги нас не видно, и Саша сможет соблюсти условие — прийти один. А я, если что, подстрахую.

Я выключил двигатель, повернулся к пацану. Теперь было самое время уточнить суть конфликта, чтобы сориентировать пацана, как себя ставить в разговоре с Борзым.

— И что за тайна, которую он так боится? — спросил я.

— Мы с ним ещё в начальной школе вместе на кружок ходили... — поведал Саша.

— На какой?

— Я на музыку, он на танцы... — пацан замялся. — На балльные.

Я хмыкнул, покачал головой.

— Так-так... и выходит, что он тебе предъявляет за то, что ты, мол, на пианино брэнчал. И боится, что ты ему предъявишь, что он балерон?

— Ну... там не только это.

— Что ещё?

Пацан вздохнул, собираясь в кучу, чтобы рассказать. Я же понял, что конфликт здесь был не про деньги и даже не про субботник. Классика жанра, епта. Я-то думал, тут что-то серьёзное, а оказалось, всё куда проще. Предъявлять Сане попросту нечего, а вот предъявить Борзому как раз повод есть.

— Тут такое дело, Владимир Петрович...

Саша наклонился ближе и зашептал. У меня аж брови на лоб полезли после его рассказа. Вон оно что... уже интереснее, чёрт возьми!

Я задумался, прикидывая, как действовать дальше. Потом уже я наклонился к Сане и начал говорить.

— Слушай сюда, братец, ты начнёшь разговор первым. Не бойся, не мнись. Скажи ему ровно, спокойно и глядя в глаза... — я проговорил пацану все, что придумал.

Он отрывисто кивнул.

— А дальше... если он начнёт качать права, я подойду, — заключил я. — Только не дёргайся, понял? Пусть думает, что ты один. Я рядом. Но если полезет, то бей первым, и не по лицу, а по корпусу. Саша нервно выдохнул.

— Владимир Петрович... а если он с друзьями?

— Тогда будет урок коллективного воспитания, — усмехнулся я.

Он впервые улыбнулся. Я хлопнул его по плечу.

— Ну всё, пошли, музыкант. Пора сыграть им финальную ноту.

В этот момент я заметил движение между бетонными плитами стройки. Оттуда показались силуэты. Один, второй, третий... ещё двое. И вперёд — он. Борзый.

Шёл паренёк, как павлин — руки в карманах, подбородок задран, на лице вечная ухмылка самоуверенного улюбка. Его личная гвардия состояла из таких же «важных», только помельче физически. Все как на подбор... черти, ту не добавить, не убавить. Как я и думал, пришёл Борзый не один.

Боковым зрением я уловил, как Саша вздрогнул и руки пацана невольно сжались в кулаки.

— Спокойно, — процедил я.

Он ничего не ответил, но по его лицу я понял — это накатывает страх. Самый мерзкий — липкий, что пахнет унижением, а не просто болью.

— Вот что, братец, — я взял его за плечо и повернул к себе лицом. — Давай ещё раз. Глубоко вдохни. Медленно выдохни. Ещё раз.

Саня послушался.

— Молодец. Запомни, — сказал я. — Если ты нервничаешь, ты слабее. Пусть нервничают они. Спокойствие — это сила, понял?

— Понял...

— И ещё вот что, — я достал телефон. — Сейчас я тебе позвоню. Возьми трубку и не клади. Положи в карман, включи громкую связь. Я хочу слышать, как всё пройдёт.

Он кивнул. Я набрал номер и, когда Саша принял вызов, поставил мобильник на громкую.

— Всё, иди, — сказал я.

Пацан уже собирался выйти, но задержался, обернулся ко мне.

— Владимир Петрович... только одно. Дайте мне время самому разобраться. Пожалуйста.

Я смотрел на него секунду-другую. Взгляд у него был честный, прямой.

— Ладно, — кивнул я. — Разбирайся.

Саша открыл дверь, вышел и аккуратно закрыл за собой, стараясь не хлопнуть. Я остался в машине, в тени гаражей. Отсюда всё видно, как на ладони. Телефон в динамике выдавал звук шагов.

Саша приближался к одноклассникам медленно, но уверенно.

Смотрелась вся эта так называемая «стрелка» жалко и мерзко одновременно. Один — худой, щуплый, килограммов шестьдесят, не больше. И напротив — Борзый. Здоровый, бородачатый жеребец, под сотню весом и на голову выше. Он стоял, расставив ноги, руки в карманах, ухмылялся.

И ладно бы один... но слева и справа от Борзого стояли такие же лбы с физиономиями, перекошенными от собственной важности. По их взглядам я видел, что эти уроды ждут, когда старший подаст знак и они втопчут в землю несчастного ботаника.

Я увеличил громкость на телефоне до максимума. В динамике тихо шуршал ветер, потом послышались первые слова.

— Здорово, пацаны, — начал Саша. — Я пришёл, как договаривались.

— Здорово, шкет, бабки принёс? — протянул Борзый с ехидцей, не вынимая рук из карманов.

Хохот.

Тупой, пустой, такой, от которого у нормального пацана рука сама просится в кулак.

По всей видимости, Борзый не понимал, что Саша вызвал его на стрелку. Решил, что пацан деньги принёс. Хотя как именно Саня обозначил причину встречи я не интересовался.

Борзый смотрел на пацана сверху вниз.

— Или опять сказочки рассказывать будешь? Секунду висела тишина.

— Нет, не принёс и приносить больше не буду, — спокойно сказал Саша.

Вновь начали смеяться.

— Ни хрена, как малолетка базарит, — поддакнул один из гвардейцев.

Я сжал руль. Пальцы побелели от напряжения. Саша не отводил взгляда. В динамике стало слышно его дыхание.

— Ты что, не выпался? — издевался Борзый, смеря Сашу взглядом.

— Я просто не собираюсь больше терпеть все эти оскорбления, — сказал Саша, вкладывая в слова то самое, что у него сидело на душе.

— Оскорбления? — ухмыльнулся Борзый. — Я и пацаны не виноваты, что мамка тебя не на бокс отдала, а на пение — и у тебя такой тонкий голосок, как у кастрата.

— Лох—кастрат, — заржал кто-то из толпы.

Я видел, как у Саши по лицу пробежала тень, но он не отступил.

— Давай, пацан, не подведи... — прошипел я.

И пацан не подвёл: в тот же момент он ответил.

— А если я тоже начну так с тобой разговаривать? — сказал он.

— Ты о чём? — нахмурился Борзый.

— Что твой отец не чемпион, — продолжил Саша. — Что он руководитель секции балета. Слова ударили, как раскат грома. Это и был тот самый секрет, который так боялся Борзый. Получай, фашист, гранату!

Сначала один из «гвардейцев» попытался ржать, потом смех захлебнулся, и я увидел, как у Борзого дернулось веко.

— Слышь, а он о чём? Он не в курсе, что у тебя отец чемпион страны по боксу в девяностых? — засудачили «гвардейцы».

Глаза Борзого опасно блеснули:

— Я тебя сейчас прямо здесь закопаю, мелкий урод, — прорычал он.

Саша отреагировал быстро.

— Сначала скажи пацанам, что твой папа не чемпион, а он руководитель детской секции балета, — проговорил он.

Борзого буквально перекосило.

Я почувствовал, как во мне растёт удовольствие. Но удовольствия мало... дело начинало плохо пахнуть. Борзый заметался — лицо покраснело, затем побелело. В нём сейчас боролись позёрство и страх быть высмеянным.

Стая тоже напряглась, переходя в состояние повышенной готовности. Я тоже напрягся, понимая, что либо они сделают то, чего нельзя допустить, либо я появлюсь и поставлю точку...

Но нет, нельзя: Саня просил не вмешиваться до поры. Просил дать ему шанс. Я уже дернул руку к двери, но остановился. Я вцепился в рулевое колесо и сдержал порыв. Пусть попробует.

В следующий миг пацану прилетел удар в солнечное сплетение. Саша рухнул, телефон выскользнул из кармана и упал на щебёнку, но связь не оборвалась. Из динамика донёсся возбуждённый голос Борзого:

— Ты как базаришь, дебил?!

Саша обхватил живот обеими руками. Я видел, как его дрожащие руки сжались в кулаки. Да, лицо перекопилось от боли, но тем не менее он выпрямился.

Пацан выпрямился, жадно глотая воздух. У меня же внутри невольно возникло уважение к Сане.

Определённо у пацана был дух.

— Я не дам тебе ни копейки, и требую, чтобы ты извинился за все эти издевательства, — процедил Саша.

Послышался звериный смех Борзого, и его снова подхватили кореша, инстинктивно, как собаки Павлова. Ржали так, будто Борзый приплачивал за громкость.

— А если не извинюсь, что? Спросишь по-мужски? — зашипел Борзый сквозь стиснутые зубы. — Ты у меня за свой гнилой базар теперь на коленях прощения вымаливать будешь.

А вот дальше Саша уже пошёл не по сценарию...

— Давай раз на раз выскочим, — вдруг предложил он.

Я стиснул руль — неожиданно! Саша поднял голову, смотря с вызовом в глаза Борзому.

Что ж, я положил ладонь на дверь машины, будучи готовым в любой момент выскочить наружу. Если толпа рванёт на пацана — я выскочу и закончу всё быстро. Но если это будет драка один на один — пусть будет. Мне важнее было, чтобы Саня понял, что за каждое принятое решение надо платить. Но «убивать» его, или втоптывать в землю ногами, я не позволю.

Борзый ухмыльнулся, на лице появилась смесь презрения и азарта.

— Слышали, пацаны? Шкет хочет мне задницу надрать. Давай, мелкий урод, я тебе дам скидку: буду биться одной рукой.

Саша встал в какую-то корявую стойку. Сразу стало понятно, что он не умеет драться.

— Мне одолжение делать не надо, — отрезал пацан.

Борзый пожал плечами, ловко снял олимпийку и бросил её одному из своих прихвостней. Кто-то из их компании полез за телефоном, чтобы снять происходящее. Борзый махнул рукой.

— Убери нахрен телефон, а то потом мне прилетит за убийство этого мелкого уroda.

Вот же нехороший человек... легко быть храбрым, когда спина прикрыта. У Борзого тут и физическое преимущество, и численное. Ну а поговорка о том, что маленький хороший боец всегда проиграет большому хорошему бойцу, тоже придумана не просто так. Вот только Саша ещё и драться не умел!

Борзый не стал тянуть — полшага вперёд, улыбка превращается в злобный оскал. Потом резкий выпад... Удар!

Вместо удара Саша получил затрещину. Пацан попятился... а Борзый, на час играя с ним как кошка с мышкой, вытянул руку и поманил Сашу. Тот рванулся в атаку, включив режим мельницы, в глазах заискрилась пламя.

Борзый сместился вправо и снова дал Саше затрещину. Пацан пошатнулся и бросился снова. На этот раз бросился обидчику в ноги, изо всех сил стараясь усадить оппонента на задницу. Борзый, продолжая унижать пацана, демонстративно расставил руки, показывая, что Саня ничего не сможет ему сделать. Гвардейцы заржали, возбуждение росло.

А потом Борзый оттолкнул пацана и врезал ему вдогонку правым прямым. Саша упал и, оставшись сидеть на пятой точке, стиснул зубы. Его губа лопнула, и по подбородку потёк красный след.

Саня попытался подняться, медленно, коряво. И в эту неуклюжую попытку буквально впитались все его гордость, упрямство и боль.

— Давай, пацан, — процедил я. — Вставай...

Борзый расхохотался, он был уверен, что победил. Но Саня встал и снова бросился на обидчика. Борзый снова начал играть, попытался схватить Сашу за затылок и нагнуть, попросту говоря, поставить раком. Вот только он заигрался и кое-что не рассчитал. Саня, пытаясь высвободиться, выпрямился и вlepил Борзому голову прямо по подбородку.

Борзый явно не ожидал и пропустил в чистую. Его лицо на долю секунды потеряло уверенность, взгляд помутнел, челюсть клацнула. Он попятился, ноги стали деревянными.

Если бы у Саши был опыт, прямо сейчас он мог бы довести дело до конца. Но опыта у пацана, увы, не было. Парень замахнулся, попытался добить — не вышло. И вместо финального удара наступил кошмар. Борзый, прихрамывая, обрушился на Саню с новой яростью.

Когда стало понятно, что всё серьёзно, дружки Алладина ринулись в атаку. Всё превратилось в галимый беспредел. Удары полетели со всех сторон. Всех их Саня не видел и пропустил сначала один, потом второй. Он пытался перекрыть, но это не помогало.

Один из уродов схватил бутылку, из которой до этого цедили какую-то зелёную дрянь, и решил ударить пацана по голове. Я понял, что теперь они будут «убивать». Этим уродом ничего не стоило превратить пацана в инвалида.

Я было хотел выскочить из машины и понял, что не успею — урод уже замахнулся. Тогда я выхватил травмат, прицелился по бутылке...

БАХ!

Прозвучал выстрел, затем раздался звон стекла. Бутылка в руке этого уroda разлетелась осколками. Зелёная жидкость брызгала в сторону, бутылку этот урод не удержал, и она упала на землю.

На две секунды всё застыло.

Уроды, прессующие Саню толпой, замерли и мигом перевели взгляд. А увидели они мчащийся на всех порах чёрный чероки. Огромные грязевые колёса разбрасывали гравий. Я резко затормозил, джип встал колом между уродами и Саней.

Я выскочил из джипа и, не раздумывая, начал палить из травмата по гравию прямо у их ног. Стрелял так, чтобы куски земли взрывались фонтанчиками у них под ногами. В прежней жизни я бы плюнул на сантиметры и пострелял бы козлам в колени. Сейчас приходилось сдерживаться.

Козлы на месте отплясывали чечётку. А потом личная гвардия Борзого бросилась в стороны, как стая перепуганных дворняг.

Сам виновник попытался смыться тоже. Но я схватил его за шкурку и дернул назад так, что воротник майки захрустел, а голова Борзого дернулась, будто у куклы-болванчика.

— Куда собрался? — процедил я, поворачивая его лицом к себе.

— Ты попутал? — прорычал он, пытаясь звучать угрожающе, но это больше походило на забавный писк.

Примерно так пищал мой Рекс, когда видел Губителя.

— Нет, Алладин, попутал здесь ты, причём конкретно так попутал... на землю, сука, сядь, пока я тебя туда не воткнул головой!

Спесь, которую Борзый пытался сохранить, быстро улетучилась. Он часто заморгал, губы дрожали. Борзый, мучительно сопя, смотрел на меня, а затем, поняв, что я не шучу, сел на землю.

Я посмотрел на Сашу — он сделал усилие, медленно встал. Пацану досталось крепко, он пропустил немало ударов и теперь с трудом стоял на ногах, пошатываясь. Но «убить» я его не дал, вовремя вмешавшись в драку.

Саша, будто на автопилоте, пошёл в сторону Борзого, стискивая кулаки, глаза злились. Но я положил руку ему на плечо, тормозя.

— Не, Сань, погоди. Мы с ним по-другому поговорим.

Борзый попытался воспользоваться моментом и по-тихому свинтить, пока я отвлёкся.

Бах!

Выстрел взорвал гравий в десятке сантиметров от его ноги.

— Алладин, не испытывай моё терпение. Я могу и выше прицел взять. Последнее предупреждение, — отрезал я.

— П-понял... — прошептал он.

Встал как вкопанный, а я повернулся к Сане.

— Живой? Ничего не поломали?

Он кашлянул, сжал кулаки и выдавил:

— Нет, кажется. Живой, Владимир Петрович. Больно, но живой.

Я подошёл к Борзому; тот стоял, прижимая локоть к боку, дышал рвано. На лице его всё ещё застыла наглость, но уже разбавленная страхом.

— Ты зачем пацана прессуешь? — сухо спросил я. — В себя поверил? На каждого быка найдётся два антибыка, слышал?

Борзый молчал, но подбородок вскинул — видно, что решил доиграть в «реального пацана».

— Извиниться за гнилой базар не хочешь?

Борзый сглотнул. Я уже думал, что он согласится и этим жестом, пусть и не слишком дружелюбным, мы хотя бы откроем разговор на волне позитива. Но нет: извиняться это чучело похоже не собиралось. Он расправил плечи и медленно покачал головой.

— Да пошёл ты на хрен, Вова, — процедил он. — Че Мымре пожалуешься?

Что же, пацан, видимо, до сих пор не понял, что перед ним уже был не историк — батон. Теперь перед ним был Вова физрук.

Я покосился на Сашу.

— Сань, — сказал я. — Как поступим с отморозком?

Я вернул взгляд на Борзого и приподнял бровь.

— Я вот думаю, — продолжил я. — Если он пошёл по беспределу, то и мы по беспределу можем пойти?

Глава 6

Я подошёл к багажнику, щёлкнул замком, крышка взлетела. Забавно, что последний раз я в него заглядывал лет этак тридцать назад. И что в нём лежало, сейчас даже не знал.

Внутри оказалась куча металлических хомутов, инструменты. Я сгреб всё в сторонку, демонстративно, и кивнул Борзому.

— Полезай.

Он посмотрел так, будто не понял.

— Куда?

— В ближайший лес прокатимся, — с невозмутимым видом ответил я.

Вид у Борзого поменялся мигом. Он напрягся, втянул голову в плечи. Куда-то мигом подевались словечки вроде «Вовы» или «эй, жирный».

Перевоспитание шло по плану.

— В багажник, говорю, полезай, — повторил я жёстче.

Он сделал шаг к багажнику, но я театрально почесал макушку и остановился. Потом повернулся к лебёдке, установленной на «Чероки».

— Хотя нет, — я притворно хмыкнул. — Дружище, тормози. У меня есть кое-что интересней. Багажник у меня занят барахлом, и ты туда не влезешь. Но есть и второй вариант.

— К-какой?

— Прицепим тебя к лебёдке.

Борзый громко сглотнул. По тому, как у него начало дёргаться веко, я понял, что мысль дошла. Понял он быстро — у страха всё с геометрической скоростью. Не дав ему опомниться, я повернулся к Саше и небрежно дал поручение.

— Саня, раскручивай лебёдку.

Саша замер было, но выполнил. Начал раскручивать лебёдку...

Я же наблюдал, как меняется лицо хулигана. От былой наглости не осталось и следа, теперь его физиономия исказилась в гримасе ужаса. Руки у него начали дрожать, губы бледнеть. Борзый понял, что это не игра и шутки кончились.

Момент — и Борзый стал другим человеком прямо на глазах. Я видел, как внутри него ломались привычные механизмы «повышенной борзоты». Он втянул голову ещё глубже, плечи опустил. Я не торопился — даже не улыбался. Просто смотрел и ждал, пока страх сделает свою работу.

— Владимир Петрович, — забормотал он, вмиг вспомнив моё отчество. — Простите меня, пожалуйста, я больше не буду, бес попутал. Скажите, что нужно сделать, как загладить вину, я всё сделаю.

Я медленно покачал головой. Слишком хорошо знал, что такие вот «я всё сделаю» — чаще всего просто слова, которые подкреплены страхом и ничем более.

— Слушай, — ответил я, не повышая голоса и буквально излучая спокойствие. — Извиняться ты будешь не передо мной, а перед Саней. Понял? Он закашлялся, видимо одна только мысль об этом покорёжила.

— Хотя... — я вдруг направил дуло травмата в лоб Борзого. — Я думаю, что надо его прям здесь завалить, а потом вон в ту бетономешалку кинуть...

Это был финальный аккорд разыгрываемого мной спектакля. Борзый уже был готов наложить в штаны от ужаса, но тут вмешался Санёк.

— Владимир Петрович, я думаю, что я сам с ним поговорю, — сказал пацан.

— Не вопрос, Саня, пообщайся с нашим голубчиком.

Честно? Услышать от пацана такие слова было несколько неожиданно. Это ж какой внутренний стержень должен быть.

Я убрал ствол, моя воспитательная часть на этом подошла к концу. Борзый теперь был полностью обработан и открыт для дальнейшего диалога по душам.

Саша молча подошёл к своему заклятому врагу, посмотрел на Борзого. Я заметил, что его взгляд изменился, да и настрой — будто пропала жажда мщения. Вместо неё я считал требование справедливости.

— Считаешь, что прав? — сухо спросил Саша.

Борзого будто перекосило изнутри. Словно в нём столкнулись два мира — привычный, где сила решает всё, ну и новый, где вдруг оказалось, что сила может выглядеть жалко.

Он стоял перед Сашей, переминаясь с ноги на ногу, словно ему в ботинки насыпали битого стекла.

Я наблюдал со стороны и не вмешивался. У Сани, худого, избитого, с разбитой губой и синяком под глазом, внутри горел настоящий стержень. А у Борзого, здоровенного, накачанного, наглого, этот стержень как будто выдернули. И он не знал, куда девать глаза.

— Ты прав... — выдавил Борзый. — Я повёл себя некрасиво.

— Некрасиво? — Саша медленно покачал головой. — Это когда в столовой выпил чужой компот. А ты как шакал — вдвоём, втроём, впятером. Это не некрасиво, это подло.

Борзый растерянно моргнул, и по глазам его было видно, что Саня попал куда надо.

— Я... — он запнулся. — Я просто не хотел, чтобы кто-то знал... про отца.

— Так никто и не знал, — возразил Саша. — Пока ты сам не сделал из этого шоу.

Борзый промолчал, виновато опустил подбородок на грудь.

— Всё, — твёрдо сказал Саша. — Я тебя простил. Но не потому, что ты этого заслужил, а потому что не хочу таскать всю твою грязь за собой.

Он развернулся и пошёл к машине.

Борзый стоял, молчал, ссутулившись. Я опустил ствол, положил ладонь на плечо Борзого.

— Подумай вот о чём, — начал я. — Я мог бы снять это на телефон, выложить и засветить тебя так, что вся твоя жалкая слава сгорит. Мог бы показать, кто ты есть на самом деле. Но я этого делать не буду.

Борзый мельком взглянул на меня, но сразу отвёл взгляд.

— Да, понимаю... — прошептал он.

— Пересмотри своё поведение, — продолжил я. — Плохо закончишь, пацан.

Борзый шмыгнул носом.

— Неправ был, Владимир Петрович... — он, наконец, поднял голову и сказал: — Готов понести наказание.

— Вот это уже другой разговор. За косяки надо не только извиняться, но и отвечать, — согласился я. — Начнём с простого: ты прямо сейчас звонишь своим пацанам и говоришь, что у них есть двадцать минут на то, чтобы вернуться в школу и помочь классу с субботником.

Борзый дёрнулся, как побритая собака.

— Я... я... пацаны не поймут...

— Что «я»? Звони давай. И объясни так, чтобы поняли.

Он сделал пару неуверенных вдохов и всё-таки достал телефон. Я отвернулся, чтобы он не увидел, как меня забавляет его внутреннее сопротивление.

Борзый набирал медленно, всячески внутренне этому сопротивляясь. Конечно, тут к бабке-гадалке не ходи — понятно, что ещё какой-нибудь час назад Борзый чихвостил субботник в хвост и в гриву. А тех, кто пошёл на него, называл дворниками и лохами. Так что звонок для него давался тяжело.

Я же смотрел на ситуацию чуточку под другим углом. Как только пацан вытащит из своей головы стереотипы, то и жизнь станет проще. А не вытащит — вот так и будет себя до конца своих дней ломать изнутри.

— Это, Филя, ага, нормально всё... — заговорил он в динамик, когда кто-то из «гвардейцев» взял трубку. — Короче, через двадцать минут надо на субботник пойти... да нет, ты не понял... Ну говорил, что дворники...

Борзый покосился на меня. Я подмигнул, вот так его поддерживая.

— Бред говорил, сейчас это понимаю, — сказал он.

— Надо одноклассникам помочь. Ну, в смысле — не хочешь... надо, говорю!

Борзый нажал «отбой».

— Я с ними сейчас встречусь и с глазу на глаз переговорю, — пробормотал он.

— Да хоть обговорись, через полчаса я тебя жду у школы.

Я понимал, что перед ним стоит непростая задача — сохранить лицо и одновременно собрать своё стадо и объяснить, что поменялись правила игры.

— Могу идти? — шёпотом спросил Борзый, не поднимая глаз.

— Полный вперёд.

Хулиган ссутулился и, опустив голову, пошёл прочь. Я выдохнул, провожая взглядом уходящего, и пошёл к Сане.

— Знаешь, Саня, вот наблюдаю за тобой и понимаю, что мужество — это не то, что этот Борзый и его дружки пытаются показать. Ничего мужского в их поведении нет, поверь мне. А вот твоё поведение — умение простить, не унижая, не пользуясь преимуществом... — я развёл руками. — Вот это и есть настоящий мужской поступок.

— Спасибо, Владимир Петрович.

— Спасибо в карман не положишь и на хлеб не намажешь, — сказал я. — Приведи в порядок рожу, в бардачке аптечка. Потом я тебя до дома доброшу. Заодно папкин пистолет положишь на место.

— А я не хочу домой, — отрезал Саня. — Я хочу, как все, классу помочь.

В словах звучала искренность.

— Не, братец, в таком состоянии нам Марина и эта мымра продыху не дадут. Так что желание хорошее, ты молодец, но в следующий раз. Сегодня ты себе освобождение заработал.

Саня нахмурился, будто хотел возразить, но промолчал.

— Ладно, Владимир Петрович... понял.

— Вот и хорошо, — ответил я, садясь за руль.

Саня начал обрабатывать раны, не издавая ни единого звука — терпел. Я молча наблюдал, как он промывает рассечённую губу, потом аккуратно прикладывает вату к щеке. Когда он закончил, я завёл мотор.

— Поехали, — сказал я.

Жил он недалеко от школы. Дорога заняла минут пять. Мы оба молчали. Только из колонок тихо играла музыка.

— Вон дом, Владимир Петрович, — показал Саня на панельную девятиэтажку.

— Какой подъезд? — спросил я, уже поворачивая во двор.

— Да не надо заезжать, Владимир Петрович, — ответил он поспешно.

— Почему? Я тебе, можно сказать, доставку на дом предлагаю, а ты отказываешься, — сказал я с лёгкой усмешкой.

— Не надо, пожалуйста, — повторил Саня, глядя в окно.

Я не стал расспрашивать, почему так. Видно было, что пацан не хочет, чтобы кто-то видел, как он выходит из машины, да ещё со мной. Может, не хочет объяснять, кто я, может — просто не хочет показывать, в каком он виде. А джип у меня заметный и лишнее внимание привлечёт.

Ну и ладно. Пацан и так был на пределе, разговоры тут только навредят. Сейчас ему бы поесть, отоспаться, душ принять — и всё, хватит.

Я остановился, не заезжая во двор. Прежде чем Саня открыл дверь, достал пистолет и положил его на торпеду.

— Саш, — я решил поставить точку в сегодняшней истории. — В следующий раз, прежде чем решать вопросы радикальным способом, звякни мне. Посоветуйся. Не всегда ситуации, которые на первый взгляд кажутся безвыходными, такими и являются. Чаще всего из любой ситуации можно найти выход.

Он слушал, не перебивая. Глаза усталые, но внимательные.

— И ещё, — продолжил я. — Ствол я тебе рекомендую больше не брать. Тем более этот — он ведь и не настоящий по сути. С таким только напугать, а не защититься. Да и напугаешь — потом сам крайним останешься.

Саня кивнул. Видно было, что напряг не отпустил. И я понял, что лекции сейчас лишнее.

— Ладно, ступай, — сказал я.

Он вышел из машины, закрыл дверь аккуратно, будто боялся хлопнуть. Пошёл медленно, не оборачиваясь сразу, только через пару шагов бросил взгляд через плечо — проверить, уеду ли.

Я думал подождать, пока он зайдёт в подъезд, но, видя, что парень от этого только сильнее зажимается, решил не мучить.

Включил передачу и выехал со двора.

В зеркале заднего вида увидел, как Саня даже не идёт, а крадёт, то и дело оглядывается. Видимо, старые привычки не отпускают.

Долго ехать до школы не пришлось — как я уже говорил, от дома Сани до школы рукой подать. Я приехал вовремя, как раз в тот момент, когда к школьной территории подходил Борзый со своей шайкой-лейкой.

Они шли кучно, плечом к плечу, как будто шли на дело. У всех одинаковые физиономии с напускной уверенностью, но по глазам было видно, что им не по себе.

Борзый либо сумел найти слова и убедить их пойти на субботник. Ну или, что куда вероятнее, сделал предложение, от которого остальные просто не смогли отказаться. Но то уже их внутренние разборки, туда лезть не стоило. Пусть здоровые лбы решают организационные вопросы между собой, и вмешиваться я точно не собирался.

— Владимир Петрович, говорите, что делать надо, — сходу выдал один из них, явно желая закрыть вопрос без прений.

— Так, — я оглядел их с головы до ног. — Трое — на грабли, ещё трое — красить забор. Давайте, ноги в руки, начали.

Пацаны переглянулись, лица вытянулись, и, с видом обречённым, они всё-таки зашли на территорию школы. Пусть, работа — лучшая педагогика, особенно для тех, кто привык только языком молоть.

Естественно, у тех, кто уже трудился на субботнике, сразу возник вопрос. Кирилл не выдержал:

— Ты же говорил, субботник для лохов?

Борзый на секунду замер, но не растерялся.

— Не, — ответил он с самым серьёзным видом. — Это лично Владимиру Петровичу помощь. А ему не запахло помочь.

Выкрутился, блин. Быстро учится.

Что происходило дальше, я уже не узнал, потому что ко мне на всех парах неслась Марина.

— Володя, то есть Владимир Петрович! — затараторила она, едва подбежав. — Ну что с Сашей? Переломов нет? Ничего серьёзного?

— Жив-здоров Саша, — ответил я спокойно. — Отделался освобождением от физкультуры на пару недель.

— Слава Богу, — облегчённо выдохнула Марина, прикладывая ладонь к груди. — А как вы с его отцом справились?

— А надо было как-то справляться? — удивился я.

Она смутилась, отвела взгляд.

— Ну... отец у него очень специфический, я бы так сказала, — Марина понизила голос. — Человек непростой, вспыльчивый.

Я сразу припомнил, как Саня отказался, чтобы я заезжал во двор. Всё сразу встало на свои места. Походу от бати шкерился.

— Нет, отца я не видел, — заверил я.

— Так вы выяснили, что на самом деле произошло? — не унималась Марина.

— Не-а, — ответил я коротко. — Тайна, покрытая мраком.

Классуха вздохнула и заметила, как Борзый с друзьями красят забор и убирают территорию.

— Владимир Петрович, а как вы добились, что наши хулиганы в итоге пришли на субботник? — поразились она.

Я пожал плечами и усмехнулся:

— Секреты педагогического воспитания.

— Макаренко? — уточнила она, видимо припомнив, что я однажды ссылался на великого педагога. — Надо будет почитать...

— Обязательно, — сказал я. — Полезная литература.

С появлением хулиганов дело пошло заметно быстрее. Я наблюдал, как они суетятся, и ловил себя на мысли, что старую поговорку про дурь, которую надо направлять в правильное русло, придумали явно не зря.

Вот тут был именно тот случай.

Минут через тридцать школьный двор преобразился. У ворот выросла гора собранных листьев, краска на турниках уже подсыхала, ворота блестели свежим слоем эмали.

Парни работали с видимым рвением — может, из страха, может, из желания загладить вину, а может, просто потому, что впервые делали что-то толковое.

Очень хотелось верить, что такие общественные работы хотя бы немного прочистят мозги моим горе-ученикам.

Когда всё стало двигаться без моего участия, я решил переключиться. На импровизированном столе всё ещё остался набор всяких «вкусностей», включая те самые хваленые роллы, которые я всё никак не пробовал.

Я не стал заморачиваться с палочками, протёр руки влажной салфеткой, ещё одним «чудом цивилизации», и сунул ролл прямо в мисочку с соевым соусом.

Потом, по примеру Марины, сверху мазнул зелёной горчицей, этой... как её... васаби. Посмотрел на результат и отправил кусок в рот.

Вернее, попытался. Ролл, как назло, начал распадаться. Пришлось изловчиться, чтобы не уронить всё это кулинарное произведение на землю.

На вкус оказалось... интересно. Свежо, необычно, но спустя секунду рот загорелся, будто туда плеснули бензина и чиркнули спичкой.

— Мать честная... — прохрипел я, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

Видимо, перестарался с этой зелёной штукой. Я выдохнул, кашлянул, сделал глоток воды из бутылки и только тогда смог перевести дух.

— Ну и взбодрило, — буркнул я себе под нос. — Вот это, я понимаю, японская профилактика простуды.

Глава 7

Я запил японскую горчицу минералкой и гулко выдохнул — пробрало знатно.

— Владимир Петрович? — послышался голос.

Я поднял глаза. Передо мной стояла Милана в лёгком платъице, которое на ветру играло краем, оголяя бедро чуть выше, чем позволяли рамки приличия. Хотя эти самые рамки у каждого свои.

— Всё готово, — сказала она, облизывая пересохшие губы. — Что теперь с листьями делать?

— А что не так? — уточнил я.

— Мешков не хватает, — ответила она.

— Пойдем, покажешь.

Мы прошли к месту. Там действительно лежала гора листьев — не просто кучка, а нормальный такой вал. Мешков не оказалось — все, что были, теперь оказались набиты листвой до полна. Я недолго думал, всё-таки иногда в жизни надо действовать проще.

— Есть у кого спички или зажигалка? — спросил я у школоты. — Милана, у тебя же наверняка есть, ты же куришь?

Она на секунду смутилась:

— Я только электронку, — чуть смущённо ответила она. — Но зажигалка есть, мой бойфренд всегда забывает зажигалку.

— Давай сюда, — сказал я, про себя отмечая, что это уже третье именование молодого человека, помимо зоопарка и типочка.

Милана поковырялась в сумке и протянула зажигалку. Я чиркнул, проверяя зажигалку на работоспособность, и, увидев загоревшийся огонёк, удовлетворённо кивнул.

В этот момент к входу школы подкатила старая «Тойота»... вернее, старой она была только по году выпуска, а вот внешне выглядело так, будто только что сошла с конвейера.

Я знал модель тачки — «Марк II», она-то и в моё время была предметом слюнопусаний молодёжи и, видимо, оставалась таковой сейчас. Тонированная в круг, заниженная, с тюнингом из кучи всяких обвесов. Окна были закрыты, но, даже несмотря на это, было слышно, что в салоне громко играет музыка — низкие басы, от которых стёкла дрожали.

Всегда было интересно, каково это выживать в таком звуковом аду.

Дверца хлопнула, и из машины вышел тип кавказской внешности — под сорок. Куртка из искусственной кожи, золотая цепочка, фирменные кроссы и уверенная походка.

Честно говоря, в моей картине мира солидный мужик мало сочетался с такой тачкой. Кстати, мужик явно рассчитывал на то, чтобы поколотить панты. Если кто не понял, что он подъехал, то теперь, когда он открыл дверь тачки, и задрожали стёкла уже в школе, его появление точно ни для кого не осталось незамеченным. Кризис среднего возраста, блин.

Он с важным видом начал обходить свою «тойоту» по кругу, сдувая пылинки и едва не вылизывая её языком. Хотя почему едва, вон на палец плюнул, что-то оттирает, каплю какую-то...

— Владимир Петрович, а можно я уже пойду? — спросила Милана, будто между прочим, но по глазам было видно, что приехал мужичок за ней.

— Пойди, — ответил я.

Афанасьева уже сделала пару шагов, когда я её остановил:

— Милана, тормози.

— Что? — обернулась она, слегка приподняв подбородок.

— Аккуратнее со своим типчиком.

— Почему? — удивилась Милана, чуть нахмурившись.

— Просто аккуратнее, — заверил я.

Она коротко пожала плечиками, будто не поняла, но внутри, я видел, фраза оставила занозу.

Я не стал объяснять. Не рассказывать же, сколько таких «итальянцев-аратыков» я перевидал за жизнь. На словах — влюблённых до беспамятства, обещающих звёзды, айфоны и вечную любовь.

Только потом выясняется, что у него жена, трое детей и машина вообще не его, а дяди. Сами мы не местные, в общем.

— Владимир Петрович, вообще-то Гарри мне подарил мобильник, — сказала она с лёгким вызовом и достала блестящий телефон.

Я чуть завис, припоминаю, что типочка, с которым она общалась по мобильнику, звали по-другому.

— Ну, поздравляю, — ответил я сухо.

— Спасибо, что отпустили, — добавила Милана и пошла дальше, покачивая бёдрами.

Я проводил её взглядом. Гарри ждал возле своей «Тойоты», натирал тряпкой капот, осматривая отражение, будто готовился не к встрече, а к показу мод.

— Педант, блин, — пробормотал я себе под нос.

Я щёлкнул зажигалку, и пламя вырвалось жёлтым язычком. Подошёл к куче сухих листьев, нагнулся и поднёс огонь.

Секунда — и пламя пошло вверх. Сухие листья зашипели, затрещали и вообще горели на ура. Сразу дынуло осенью и дымом, как в старые времена, когда во дворах каждый октябрь дымили костры.

Марина примчалась первой — глаза испуганные, пальто нараспашку, волосы растрепались.

— Владимир Петрович! Что вы делаете?! Мы же сейчас здесь всё спалим!

Я повернулся к ней и заговорщицки подмигнул.

— Да не спалим мы ничего, — заверил я. — Я в своё время таких костров спалил — не сосчитать. Всё под контролем.

И правда, пламя горело ровно, порывов ветра не было, так что всё в порядке. Хотя выглядело, конечно, эффектно, столб огня поднимался выше человеческого роста. Ребята сбежались со всего двора, некоторые достали мобильники и начали снимать.

— Владимир Петрович, гляньте, как красиво! — крикнул кто-то.

— Фига, живой костёр, как в кино! — добавил другой.

Я лишь усмехнулся. Реакция школьников была искренней. Судя по тому, как выпучила глаза Марина, подобные развлечения были под запретом. А запретный плод всегда сладок. Кстати, не удивлюсь, если для уборки листьев тоже нужно обращаться в какую-нибудь управляющую компанию.

— Вот видите, Марина, — сказал я, глядя на всполохи пламени. — Хоть чем-то можно удивить нынешнюю молодёжь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.